Не выдаст
на д

Н. Ѳ Сумцовъ.

ПИСАНКИ.

Изданіе редакціи журнала „Кіевская Старина“.

ХАРЬКОВСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
28 ОКТ
95670
163281

КІЕВЪ.
Типогр. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. у., д. № 4.
1891.

ПИСАНКИ.

Содержаніе:

Писанки въ старинной и современной этнографіи.—Матеріалы и пособія при составленіи настоящей статьи.—Религіозно-символическое значеніе и обрядовое употребленіе крашеныхъ яицъ въ древнихъ культахъ.—Отраженіе древней символики яица въ сказкахъ.—Преданія и сказанія о происхожденіи писанокъ.—Народныя названія для крашанокъ и писанокъ.—Сфера распространенія писанокъ въ настоящее время.—Время приготовленія писанокъ.—Мистическо-обрядовая обстановка.—Принадлежности писаночнаго дѣла: кисточка и краски.—Способы приготовленія писанокъ.—Употребленіе крашанокъ и писанокъ при поздравленіи съ праздникомъ въ обмѣнъ или подарокъ, для полученія красоты и здоровья, для плодородія почвы и роенія пчелъ, во избѣжаніе громоваго удара и пожара, для излѣченія болѣзней, для прогнанія вѣдьмъ и отъ сглаза, при поминовеніи умершихъ и въ дѣтскихъ играхъ.—Значеніе малорусской игры въ навкотка и чешской игры въ помлазку.

Орнаментація писанокъ: геометрическая, растительная, животная, бытовая и религіозная.—Архаическія черты орнамента: плетенка, трезубецъ, солнечные кружки, пентаграмъ, меандръ, свастика, кѣтушки.—Какія мѣстныя растенія входятъ въ писаночную орнаментику.—О названіяхъ и происхожденіи нѣкоторыхъ писанокъ съ предметнымъ орнаментомъ: бесагъ, калитокъ и др.—Упадокъ обычая приготовленія писанокъ.—Заключеніе.

Научное изученіе писанокъ въ западной Европѣ началось въ концѣ XVII в. Въ 1682 г. вышло въ Гейдельбергѣ сочиненіе Рихтера „Dissertatio de ovis paschalibus, von Oster-Eiern“, въ которомъ высказано мнѣніе о древнегреческомъ происхожденіи писанокъ. Въ описаніи нѣмецкихъ пасхальныхъ яицъ отмѣчено, что крашанки закапывали подъ Пасху въ землю и потомъ показывали ихъ дѣтямъ и говорили, что ихъ снесли

зайцы, причемъ возникло и особое для нихъ названіе Haseneier, Коберъ въ „Dissertatio de ovo paschali“ (Лейпцигъ, 1690) высказывалъ мнѣніе о церковно-христіанскомъ происхожденіи писанокъ. Такое же мнѣніе проводится въ сочиненіи Краскія „Dissertatio de ovo paschali“ (Франкфуртъ на Одерѣ, 1705 г.). Краскій видитъ въ писанкахъ символъ будущаго воскресенія мертвыхъ. Въ книгѣ есть указанія на нѣкоторые народные обряды, напр., катаніе писанокъ. Въ томъ же направленіи писали о пасхальныхъ яйцахъ Эрдманъ въ 1705 г. и Енсенъ въ 1706 г. Послѣдній утверждалъ, что крашанки знаменуютъ пролитую за родъ человѣческій кровь Спасителя. Въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ послѣдняго времени, касавшихся писанокъ, Сепа (Das Heidenthum, 1853), Вундерлиха (Das christliche Kirchenjahr, 1884) и Кольбе, (Hessische Volks-Sitten, 1888), проводится то мнѣніе, что писанки происходятъ изъ языческой древности и служили нѣкогда символомъ весенняго солнца (*Zibrt*, Nektere wyklady o puvodu kraslic, 1890).

Въ нѣмецкой наукѣ интересъ къ писанкамъ заглохъ. Въ XVII в. находили нужнымъ посвящать писанкамъ спеціальныя изслѣдованія, а въ XVIII и въ XIX говорятъ о нихъ лишь мимоходомъ, при разсмотрѣніи другихъ обычаевъ, связанныхъ съ народнымъ календаремъ.

Въ Россіи, если не считать иностранныхъ путешественниковъ XVII вѣка Олеарія и Боплана, упоминающихъ о писанкахъ, впервые на писанки обращено вниманіе въ концѣ 70 годовъ. Въ статьѣ Ѳ. К. Волкова „Отличительныя черты южнорусской народной орнаментики“ въ „Трудахъ 3 археологическаго съѣзда (въ Кіевѣ) 1878 г.“ на стр. 318 и 325 находится маленькая замѣтка объ орнаментаціи писанокъ. Въ 1879 году вышли „Украинскіе узоры“ г-жи Косачъ. Въ предисловіи на стр. 13—14 находится замѣтка объ орнаментикѣ писанокъ, а въ атласѣ 23 цвѣтныхъ копіи. Въ 1882 г. Кольбергъ сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о галицко-русскихъ писанкахъ въ „Pokucie“. Въ 1887 г. была небольшая замѣтка Бартельса объ украинскихъ писанкахъ въ Zeitschrift für Ethnologie и о польскихъ въ журналѣ Wisła. Въ этомъ году вышло

двѣ монографіи о писанкахъ, на польскомъ языкѣ о польскихъ писанкахъ, — г. Удзѣлы „Piski w miescie Ropczycach i w okolicy“ и болѣе обширная на чешскомъ языкѣ о моравскихъ писанкахъ подъ заглавіемъ „Moravske ornamenty“ со статьями Ванкеля и Странечки. Чешское сочиненіе снабжено большимъ атласомъ съ рисунками писанокъ. Статья Ванкеля, извѣстнаго археолога, представляетъ солидное изслѣдованіе объ археологическомъ значеніи писанокъ.

Въ послѣдніе годы обнаруживается уже большой интересъ къ писанкамъ среди этнографовъ всѣхъ славянскихъ странъ, преимущественно у поляковъ. Въ 76 № „Харьковскихъ Губерн. Вѣдомостей“ 1889 г. я обратился къ публикѣ съ просьбой о доставленіи мнѣ свѣдѣній о писанкахъ по приложенной тогда же мной программѣ изъ 8 §§. Моя статья была перепечатана цѣликомъ или отчасти въ „Елисаветградскомъ Вѣстникѣ“, „Волыни“, „Кіевской Старинѣ“ и „Этнографическомъ Обозрѣніи“. Въ томъ же году, независимо отъ моего обращенія къ публикѣ, въ 328 № польскаго иллюстрированнаго „Tygodnik'a“ а затѣмъ и въ другихъ иллюстрированныхъ польскихъ изданіяхъ появилась просьба къ публикѣ о собираніи и доставленіи писанокъ и свѣдѣній о нихъ, подписанная двумя молодыми польскими учеными, этнографомъ Вольскимъ и археологомъ Довгирдомъ, съ присоединеніемъ небольшой руководящей программки и четырехъ снимковъ съ писанокъ, трехъ польскихъ и одной украинской. Въ концѣ 1889 г. въ новомъ сербскомъ журналѣ „Гласник земальског Музеја“ (III, 60) г. Свитличъ въ статьѣ „Ускрашня шарена јаја“ сообщилъ, что Волтровичъ собираетъ въ Сербіи и Босніи писанки для изученія ихъ орнаментики.

Изъ этихъ обращеній къ интеллигентной публикѣ наиболѣе счастливымъ оказалось польское. Въ № 4 „Tygodnik'a“ и немного позднѣе въ IV книгѣ „Wisła“ 1890 г. Вольскій и Довгирдъ сообщили, что они изъ разныхъ мѣстностей Польши и лѣвобережной Малороссіи получили нѣсколько десятковъ описаній писанокъ и 2800 экземпляровъ писанокъ, изъ 220 селъ. Сами собиратели удивлены успѣхомъ своего обращенія къ обществу и замѣчаютъ, что „rezultat wypadł nadspodziewanie

świetnie". Любопытно, что наибольшее число коллекцій дали губерніи съ преобладающимъ или сплошнымъ малорусскимъ населеніемъ: подольская 13, кіевская 5, волынская 4, сѣдлецкая 6, тогда какъ изъ варшавской 3, сувалкской 2, петроковской, калишской и плоцкой по 1 коллекціи.

Во 2 кн. „Wisła" 1890 г. была небольшая замѣтка г-жи Садовской о писанкахъ въ новоминскомъ у. варшавской губ. и въ 4 кн. „Wisła" 1890 г. небольшая статья г. Довгирда о способахъ приготовленія писанокъ въ Польшѣ и главныхъ особенностяхъ въ разрисовкѣ пасхальныхъ яицъ.

Въ № 15 „Tygodnik illustr. dla dzieci" 1889 г. напечатана замѣтка Зѣля о галицко-русскихъ писанкахъ (Покутье), съ приложеніемъ 48 рисунковъ.

Другія библіографическія указанія будутъ сдѣланы нами въ текстѣ статьи въ надлежащихъ мѣстахъ. Указаній этихъ немного, такъ какъ литература предмета крайне незначительна. Главный матеріалъ состоитъ въ письменныхъ сообщеніяхъ и въ коллекціяхъ писанокъ, любезно доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ мѣстностей южной Россіи любителями отечественной этнографіи.

Сообщенія о писанкахъ мной получены отъ слѣдующихъ лицъ: 1) свящ. Измаила Дмитріева, 2) Д. Л. Глинскаго, 3) И. И. Манжуры, 4) М. П. Савинова, 5) NN (при посредствѣ П. В. И.), 6) М. Д. Счубака, 7) В. Н. Свѣтъ, 8) Д. Пелихова, 9) А. А. Склобинской, 10) г. Ѳ. В., 11) И. А. Карловича, 12) г. Патеры (изъ Праги), 13) С. Вольскаго, 14) свящ. Ѳедора Родкевича (при посредствѣ М. П. Савинова), 15) г. Степанова, 16) г-жи Проскуры, 17) г. Донцова, 18) г. Товпекина, 19) г. Жукова, 20) г. Духка, 21) г. Мишнева, 22) г. Лапушняка, 23) г. Андреева, 24) г. Росавскаго, 25) г. П. Щ., 26) г. Прасолова, 27) г. Дружинина, 28) г. Трофимовскаго, 29) Вл. Кобеляцкаго и 30) Е. Барановской. По мѣстностямъ: изъ Подоліи №№ 4, 14; Волыни 2, Екатеринославщины 3, Кіевщины 10, Харьковщины 1, 5, 6, 7, 8. 9, Кубанской области 15—30.

Моя коллекція писанокъ составилась изъ слѣдующихъ:

Изъ харьковской губерніи: харьковскаго у. с. Островерховки—5 (отъ г. Савинова), Коротича 4 (куплены на мѣстѣ), зміевскаго 1 (студ. Бобина), изюмскаго 1 (студ. Бобина), богодуховскаго, г. Краснокутска 4 (студ. Бобина), г. Купянска 6 (П. В. Иванова), ахтырскаго 17 малярскихъ, 20 полу-малярскихъ и 14 простыхъ (куплены на мѣстѣ) и лебединскаго 36 (отъ свящ. Дмитріева).

Екатеринославской губ.—16 (студ. Бобина).

Полтавской г., полтавскаго уѣзда 7 (П. И. Петрушевскаго).

Волынской г., острожскаго у. с. Гульчи 45 (отъ Д. Л. Глинскаго).

Подольской губ. 37 (отъ свящ. Родкевича).

Кубанской обл. 16 (отъ г-жи Е. Барановской).

Курской г., курскаго у. с. Воробьевки 3 (отъ г. Болтенкова); щигровскаго уѣзда 4 (отъ М. Е. Халанскаго).

Вологодской г. 6 деревянныхъ (отъ М. П. Савинова).

Изъ Болгаріи 1 монастырская.

Всѣмъ моимъ сотрудникамъ и корреспондентамъ, поименованнымъ въ этомъ спискѣ, приношу мою глубокую благодарность.

Въ печати были указанія еще на слѣдующія коллекціи писанокъ:

1) Г. Вольскаго и Довгирда въ Варшавѣ (весьма обширная и цѣнная; выставлена въ этнографическомъ музеѣ; много малорусскихъ писанокъ),

2) Бартельса въ музеѣ берлинскаго антропологическ. общества (малорусскія),

3) Въ музеѣ краковской академіи наукъ,

4) Въ техническомъ музеѣ Адріана Баранецкаго въ Краковѣ (много малор.),

5) Во Львовѣ въ музеѣ графа Дзѣдушицкаго,

6) Во Львовѣ въ Техническомъ музеѣ,

7) Въ Моравіи въ Брно въ Патріотическомъ музеѣ,

8) Въ Прагѣ въ музеѣ Напрстка,

9) Г-жи Косачевой въ Кіевѣ,

10) Г. Павлина (галицко-русскихъ писанокъ).

11) Въ лубенскомъ музеѣ г-жи Скаржинской (около 300) и

13) Н. А. Янчука въ Москвѣ.

Яицо получило важное религіозно-обрядовое и символическое значеніе задолго до христіанства въ повѣрьяхъ и бытѣ древнихъ культурныхъ народовъ, какъ символъ солнца, которое занимаетъ первое мѣсто въ языческихъ культахъ. Чествованіе яица обусловлено было мыслью о весеннемъ возрожденіи солнца, а вмѣстѣ съ нимъ всей творческой силы природы.

Въ сказкахъ зооморфическій образъ солнца жаръ-птица однимъ своимъ перомъ освѣщаетъ большой садъ. Чародѣй (зимній холодъ) похищаетъ ее; но она до похищенія успѣваетъ снести золотое яицо, которое является затѣмъ новымъ источникомъ жизни, свѣта и тепла. Своими жаркими лучами солнце-яицо согрѣваетъ холодныя зимнія тучи, разгоняетъ туманъ, заставляетъ облака лить дождевые потоки, и на землѣ воцаряется лѣто.

Оттого у народовъ древнихъ и новыхъ, дикихъ и цивилизованныхъ, распространены сказки о яицѣ, какъ источникѣ жизни и вселенной. Яицами одаривали другъ друга въ началѣ новаго года; ихъ величали въ священныхъ пѣснопѣніяхъ. Ме-

таллическія изображенія яицъ клали въ храмахъ. (*Успенскій*, Опытъ повѣств. о древн. рус., 643). Зарывали яицо въ томъ мѣстѣ, которое избиралось для построенія города; существованіемъ этого обычая объясняютъ преданіе, что Неаполь построенъ на яицѣ (*Воеводскій*, Каннибализмъ, 3).

У древнихъ египтянъ яицо было аттрибутомъ Кнефа. Идолъ этого божества изображался гермафродитомъ, съ головой ястреба и съ яицомъ въ устахъ. Изъ того яица произошелъ фтасъ, или огонь (*Успенскій*, Опытъ повѣств., 642). Яицо было также аттрибутомъ солнечнаго бога египтянъ Пта. На одномъ сохранившемся барельефѣ Пта держитъ въ рукѣ яицо, а изъ находящейся внизу пояснительной надписи видно, что это лицо изображаетъ солнце. Другая надпись гласитъ, что Пта катаетъ яицо свое по небу (*Рославскій-Петровскій*, Египетъ, 61).

Индійское преданіе о созданіи міра говоритъ о золотомъ яицѣ, которое плавало въ водахъ, т. е. солнце на воздушномъ океанѣ (*Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав., I, 535).

Греческіе и римскіе филисофы, исходя изъ народнаго міровоззрѣнія, происхожденіе вселенной вели отъ яица (ab ovo). По преданію, записанному Геродотомъ, міръ созданъ изъ яица, положеннаго баснословной птицей Фениксомъ въ святилищѣ Геліоса. Эти классическія сказанія отразились въ византійской литературѣ; такъ, въ одной рукописи: „о яицѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина: небо и земля по всему подобны яицу— скорлупа аки небо, плева аки облаци, бѣлокъ аки вода, желтокъ аки земля“ (*Аѳанас.*, I, 536).

Римляне красили яица и употребляли ихъ при различныхъ игрищахъ и обрядахъ, на что есть указанія у Ювенала, Овидія и Плинія (кн. 19 и 24). Плутархъ даетъ объясненіе, что яицо изображаетъ творца, все въ себѣ заключающаго (*Успенскій*, 642).

Корнелій Брюнъ, бывшій въ Персіи въ 1704 г., говоритъ, что персы на новый годъ (20 мая) привѣтствовали другъ друга подаркомъ разноцвѣтно окрашенныхъ яицъ (ib. 641).

Въ миѳологіи полинезійцевъ видимый міръ олицетворенъ въ видѣ курицы, въ которой скрывался создатель міра богъ Тангароа. Онъ вышелъ изъ яица. Изъ обломковъ этого яица

образовались полинезійскіе острова (*Reville,* Les religions des peuples non civilisés, II, 25). Въ варіантѣ (съ о. Самоа) первоначально было только небо, а земля была покрыта водой. Тогда Тонгароа послалъ свою дочь въ образѣ бекаса на землю, и она отыскала остріе скалы, выдающейся надъ моремъ, и посѣяла землю и растенія (*Кристманъ и Оберлендеръ*, Новая Зеландія и ост. острова Южн. океана, 366).

Замѣчательно сходное сказаніе о сотвореніи міра представляетъ финская Калевала. Мать воды Ильматаръ жила сначала въ воздухѣ, потомъ спустилась на океанъ, покрывавшій всю землю. 700 лѣтъ она качалась на его волнахъ. Дикая утка, принявъ колѣно Ильматаръ за землю, устроила на немъ гнѣздо и положила одно желѣзное и 6 золотыхъ яицъ. Ильматаръ вздрогнула и яица разбились и упали въ море. Изъ этихъ яицъ и образовался весь видимый міръ: изъ нижней части—земля; изъ верхней—небесный сводъ; изъ желтка—солнце; изъ бѣлка—мѣсяцъ (*Калевала*, въ пер. Гранстрема, 5).

Въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ славянскихъ народовъ сохранилось много остатковъ этого общечеловѣческаго космогоническаго миѳа. Сказки на тему о происхожденіи міра изъ яица записаны у поляковъ (*Zbiór wiadomości* do antrop. kraj., II, 125), чеховъ (*Stranečka,* Moravske ornamenty, 8), хорутанъ (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. слав., I, 531), въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ русскихъ сказкахъ этого мотива и родственныхъ имъ славянскихъ обнаруживается замѣна основныхъ элементовъ другими, какъ слѣдствіе затемнѣнія космогоническаго миѳа: вмѣсто солнца, луны, земли изъ яица выходитъ городъ, ярмарочная площадь и т. п. Въ малорусской сказкѣ о первомъ вѣкѣ творенія мышь и воробей дѣлились просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ; но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это онъ получилъ яицо, въ которомъ заключалось цѣлое царство (*Кулишъ*, Записки о южн. Руси, II, 31). Въ бѣлорусскихъ сказкахъ герой получаетъ золотое, серебряное и мѣдное яица (обычное троеніе), которыя бросаетъ на землю, и изъ яицъ являются дворцы золотой, серебряный и мѣдный (*Романовъ*, Бѣлор. сборн., III, 84—85).

Варіантомъ этихъ сказокъ можно признать тѣ многочисленныя сказки, въ которыхъ жизнь или смерть скрыты въ яицѣ. Въ великорусской сказкѣ душа Коша (Кощея) Безсмертнаго скрыта въ яицѣ, которое въ уточкѣ, а утка въ запертомъ сундукѣ. Иванъ царевичъ досталъ и разбилъ яицо, послѣ чего умеръ и Кошъ Безсмертный (*Садовниковъ*, Сказки самарск. края, 201). Въ бѣлорусской сказкѣ смерть Кащея въ яицѣ, а яицо въ птицѣ, а птица въ гнѣздѣ на камнѣ, подъ дубомъ, на одномъ островѣ (*Романовъ*, Бѣлор. сборн., III, 72). Тожественный разсказъ встрѣчается въ сказкахъ индійскихъ (у *Минаева*, 97, 109), во французской (*Cosquin*, Contes popul., № 15), въ сицилійской (у *Gensenbach'a*, Sicil. Märchen, II, 215), зулусской (*Басни и сказки* дикихъ народовъ, № 64). Сходные разсказы въ Калилѣ и Димнѣ (въ пер. *Аттаи*, 154) и въ одной древне-египетской повѣсти (*Maspero*, Contes pop. de l'Egypte ancienne, 182).

Доказательства солнечнаго значенія писанокъ находятся еще въ играхъ молодежи на Свѣтлой недѣлѣ и въ орнаментаціи писанокъ; но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

О началѣ обыкновенія употреблять на Пасху красныя яица въ Греціи сохранилось особое преданіе, въ которомъ основательницей этого обычая является св. Марія Магдалина. По вознесеніи Спасителя на небо, св. Марія Магдалина, пришедъ въ Римъ для проповѣданія Евангелія, предстала предъ императоромъ Тиберіемъ, поднесла ему красное яицо и сказала: „Христосъ воскресе!“ Такимъ образомъ она начала свою проповѣдь. Первые христіане, узнавъ объ этомъ приношеніи св. Магдалины, начали подражать—дарить другъ другу яица. Константинъ Экономидъ (греческій ученый 30-хъ годовъ) въ одной рукописи X вѣка, находящейся въ монастырѣ св. Аѳанасія (вблизи Ѳессалоникъ), нашелъ замѣчаніе, что крашанки существуютъ отъ апостольскихъ временъ, такъ какъ начало обычаю положила св. Магдалина (*Калинскій*, въ Запискахъ геогр. общ. 1877, VII, 461).

Преданіе это извѣстно также въ Малороссіи. Въ с. Тарасовкѣ купянскаго у. харьк. губ. недавно записанъ слѣдующій разсказъ: „Марія Магдалина прійшла до гробу Господьняго и не знайшла Господа. Ангелъ ей провозгласывъ, шо Христосъ

воскресъ, вона излякалась и зрадувалась и побигла до дому, прибигла и побачила крашеныи яица и каже „Христосъ воскресъ“ и забрала ти яица и, только выйшла зъ дому, а ій назустричъ Апостоли святи; вона съ радощей стала даваты имъ ти яица и казала „Христосъ воскресъ“ и циловались воны отъ радости. У Бога всякій шагъ человика по назначенью, вона давала яица, шо у неи большь ничего не було, а то къ тому прійшлось, шо яице мертве, а съ него живе курча выходе, такъ Христосъ бувъ мертвый и намъ дарувавъ жизнь“ (сообщила В. Н. Свѣтъ).

Въ полтавской губ. Ст. Руданскимъ записанъ слѣдующій прекрасный разсказъ о происхожденіи крашанокъ: „Иденъ убогый нисъ соби до миста яйця продаваты; але на той саме часъ вели жиды роспынаты Бога. И ото Богъ несе хреста тай падае, а вбогому и жалко стало, и кинувъ винъ кошикъ тай помогае Богови хреста нести. Допомигъ, коли вертае до кошика, ажъ тамъ уси его яиця стали крашанками та писанками (*Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 145).

Въ с. Араповкѣ купянскаго у. записано два народныхъ толкованія. По одному писанки пишутъ въ знакъ того, что когда жиды мучили Спасителя, то все тѣло его „попысали“ (т. е. избили бичами). По другому—„якъ воскресъ Ісусъ Христосъ изъ мертвыхъ, то винъ и сказавъ тимъ жидамъ, шо стерегли Его гробъ: „идить и скажить всимъ: Христосъ воскресъ! А щобъ вамъ повирылы, нате вамъ оцей знакъ и давъ всимъ имъ по крашанци, котори винъ взявъ изъ свого гробу“ (сообщ. М. Д. Скубакъ).

Въ кубанской области въ Зеленчукской станицѣ записаны слѣдующія объясненія: въ 1) въ красный цвѣтъ красятъ яица потому, что изъ ребра Іисуса Христа отъ прободенія истекла кровь; 2) яица красятъ въ память усѣченія главы Іоанна Крестителя: когда принесли голову, то Иродъ покраснѣлъ отъ стыда и жалости, и съ тѣхъ поръ даже плоды стали краснѣть (сообщила О. Проскура).

Въ станицѣ Бжедуховской записано слѣдующее толкованіе: однажды на первый день Пасхи нѣкій православный встрѣтился

съ знакомымъ евреемъ, шедшимъ съ базара, на которомъ онъ купилъ нѣсколько свѣжихъ куриныхъ яицъ. Православный предложилъ еврею похристосоваться, но еврей отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ крашанокъ, дабы помѣняться по православному обычаю съ русскимъ.

— А что же у тебя въ платкѣ? Кажется яйца? спрашиваетъ сей послѣдній.

— Да, отвѣчаетъ еврей, это яйца, но не крашеныя, а свѣжія.

И чтобы увѣрить въ этомъ православнаго, приподнялъ узелокъ, но, заглянувъ въ него, увидѣлъ, что бѣлыя свѣжія яйца превратились въ писанки. Опомнившись отъ изумленія, еврей похристосовался съ русскимъ и пожелалъ принять крещеніе (сообщ. А. Прасоловъ).

Въ Харьковѣ я слышалъ такой разсказъ: еврей не вѣрилъ, когда ему говорили, что Христосъ воскресъ. „Тогда я повѣрю, сказалъ онъ, указывая на яица, когда эти бѣлыя яица покраснѣютъ“, и яица моментально обратились въ крашанки. Этотъ мотивъ представляетъ передѣлку весьма распространеннаго мотива объ ожившемъ пѣтухѣ. Во II т. „Объясненій малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ“ (колядки и щедривки) А. А. Потебни (с. 765) указана литература этой легенды. Въ сочиненіи Чайльда объ англійскихъ и шотландскихъ пѣсняхъ указаны многочисленные западно-европейскіе варіанты этой легенды. Къ этимъ указаніямъ нужно добавить малорусскую легенду объ однобокой рыбѣ (изъ каневскаго у.) въ „Трудахъ“ Чубинскаго, I, 67.

Поляки сѣдлецкой губерніи говорятъ, что въ писанки обратились тѣ камни, которыми былъ убитъ св. Стефанъ первомученикъ; въ память объ этомъ событіи и приготовляютъ теперь писанки (*Ulanowska*, въ Zbiòr wiadom. VIII, 294). Въ с. Ропчицахъ записано другое польское преданіе о происхожденіи писанокъ: жиды, желая склонить Пилата къ смертному приговору надъ Іисусомъ, дарили дѣтямъ Пилата крашеныя яица (*Udziela*, Piski, 4).

Преданія о происхожденіи писанокъ встрѣчаются рѣдко. Большею частью крестьяне не даютъ объясненія обычая. „Са-

мые тщательные мои распросы, пишетъ мнѣ одинъ священникъ, у наиболѣе сообразительныхъ изъ простонародія лицъ въ моемъ приходѣ не дали нужныхъ свѣдѣній. Эти лица отвѣчали одно и то же: „такъ издавна ведется“.

Кромѣ приведенныхъ религіозныхъ преданій о происхожденіи писанокъ, другихъ отраженій ихъ въ литературѣ, кажется, не существуетъ, если не считать немногихъ пословицъ, напр. „хвора, хвора, а сама якъ пысанка“ (въ купянск. у.).

Общія названія писанокъ опредѣляются способомъ приготовленія и цвѣтомъ ихъ.

Крашанками у малоруссовъ, поляковъ и великоруссовъ называются яица, выкрашенныя въ одинъ цвѣтъ безъ узоровъ. Къ крашанкамъ относятся также яица, выкрашенныя подъ дерево или подъ мраморъ. Въ Екатеринославщинѣ вообще всякое яицо, даже дикой птицы, называется крашанкой: „горобьяча кракрашанка, дрохвыняча“ и т. п. Это расширеніе значенія крашанки произошло отъ того, что слово „яицо“ считается у малоруссовъ екатерин. губ. неприличнымъ. Если кто имъ обмолвится въ компаніи, то конфузится, а присутствующіе смотрятъ на него удивленно—будто услыхали что непристойное. Пасхальное красное яицо называется „червона крашанка“.

Писанками у малоруссовъ великоруссовъ и поляковъ называются пасхальныя яица, раскрашенныя въ два, три цвѣта и болѣе.

Piski—мѣстное польское (у Тарнова) названіе писанокъ.

Галунки въ подольской г. крашанки, отъ сл. галунъ—квасцы.

Malowanki—у поляковъ крашанки.

Rysowanki и Byczki—мѣстныя польскія названія для писанокъ и крашанокъ.

Skrobanki—польскія писанки, на которыхъ рисунокъ вырѣзанъ иглой или ножемъ.

Kraslicy у чеховъ и моравовъ крашанки и писанки.

Pyrič и *červenati*—хорутанскія названія для крашанокъ и писанокъ.

Margiuczej—названіе крашеныхъ яицъ въ Литвѣ.

Районъ распространенія писанокъ обширенъ; но съ теченіемъ времени онъ все болѣе суживается и уменьшается. Въ

прошломъ вѣкѣ писанки были извѣстны во всей Европѣ и въ передней Азіи (у грековъ и персовъ шіитовъ). Нынѣ онѣ распространены почти повсемѣстно среди малоруссовъ (отъ Галиціи до Кубани), поляковъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, румынъ, грековъ, литовцевъ, латышей. Въ южныхъ великорусскихъ губерніяхъ въ ходу писанки, въ сѣверныхъ — деревянныя крашанки. Въ восточной Сибири, по недостатку куръ, писанками служатъ пестрыя яица дикихъ птицъ, добываемыя съ большимъ трудомъ на приморскихъ скалахъ (*Mazurewicz*, Wisła, 1889, 713—714). У малоазіатскихъ грековъ въ Чистый четвергъ несутъ въ церковь на Страсти столько писанокъ, сколько въ домѣ членовъ семейства; сохраняютъ эти писанки до Пасхи (*Carnoy et Nicolaides*, Traditions de l'Asie Mineure, 302). Обрядовое употребленіе яицъ на Свѣтлой недѣлѣ весьма обычно въ въ Германіи (*Heineke*, Revue d. trad. popul. 1889, VI, 351); кое-гдѣ въ нѣмецкихъ странахъ сохранились и писанки. Во Франціи сохраняются еще одноцвѣтныя (красныя) крашанки. Онѣ были выставлены на съѣздѣ фольклористовъ въ Парижѣ въ 1889 г. (*Zmigrodzki*, Wisła, 1889, 971).

Время появленія писанокъ у русскихъ славянъ не поддается опредѣленію. Неизвѣстно, употреблялись ли писанки на Руси до принятія христіанства или же онѣ появились здѣсь подъ вліяніемъ христіанства, занесены сюда изъ Византіи и Болгаріи. Отрицать до-христіанское существованіе писанокъ на Руси вполнѣ нельзя, если принять во вниманіе обширное религіозно-обрядовое употребленіе у древнихъ славянъ пѣтуха и куръ. Болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе о византійскомъ происхожденіи русскихъ писанокъ; на это указываютъ связанныя съ ними религіозныя преданія. Можно предположить, что онѣ проникли въ Россію въ глубокой древности, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ писанки были уже въ сѣверной и южной Руси. Въ московской Руси цари въ Свѣтлый праздникъ раздавали приближеннымъ яица гусиныя, утиныя, куриныя, деревянныя, расписанныя по золоту яркими красками. Приготовленіемъ такихъ яицъ къ празднику Пасхи въ старину въ московской Руси занимались пекари, иконописцы,

травщики оружейной палаты и монахи Троицко-Сергіевской Лавры (*Калинскій*, 461, вз. изъ Домаш. быта русск. царей, Забѣлина). Этотъ обычай привлекъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ, посѣщавшихъ московское государство; о немъ упоминаютъ Герберштейнъ, Іовій, Маржеретъ, Петрей, Олеарій и др. (*Терещенко*, Бытъ русск. нар., VI, 93). Въ XVIII ст. писанки и крашанки были въ употребленіи среди высшихъ слоевъ общества. Суворовъ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню, становился въ рядъ съ священниками и христовался со всѣми безъ разбора. Позади Суворова стояли деньщики съ корзинами крашеныхъ яицъ, и онъ каждому подавалъ яицо, а самъ ни отъ кого не принималъ (ib., 90). Въ помѣщичьихъ семьяхъ недавняго времени еще соблюдали подобный обычай; но затѣмъ обычай христосованія съ одариваніемъ писанками вышелъ изъ употребленія у интеллигентныхъ слоевъ общества, и крашанки удержались на пасхальномъ столѣ какъ украшеніе.

Бопланъ, служившій въ Украинѣ въ половинѣ XVII в., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ Страстную субботу (?) всѣ идутъ въ церковь, для присутствованія при церемоніи, которая состоитъ въ томъ, что кладутъ во гробъ изображеніе Спасителя и потомъ вынимаютъ оное съ большимъ торжествомъ. Послѣ сего мужчины и женщины, юноши и дѣвицы, преклонивъ колѣни предъ владыкою, т. е. епископомъ, подаютъ ему по яицу, росписанному красною или желтою краской, говоря: „Христосъ воскресъ!“ Епископъ, взявъ яицо, отвѣчаетъ: „Во истину воскресъ“, и цѣлуетъ женщинъ и дѣвицъ... Митрополитъ Могила, глава всѣхъ украинскихъ епископовъ, исполняетъ обрядъ сей въ Кіевѣ такъ же, какъ и самый бѣдный сельскій священникъ, который по малороссійски называется господиномъ (панъ отецъ). Въ продолженіи восьми дней нельзя выйти изъ дома безъ добраго запаса крашеныхъ яицъ, чтобы христосоваться оными со всѣми друзьями“ (*Бопланъ*, Описаніе Украины, 77—79).

Время приготовленія писанокъ, за немногими исключеніями, четвергъ, пятница и суббота Страстной недѣли. Въ Черноморіи въ станицѣ Старокорсунской окрашиваніе яицъ

обязательно начинается въ Чистый четвергъ, когда зазвонятъ къ страстямъ. Въ этотъ день окрашивается не болѣе десяти яицъ, которыя завязываются въ особый узелокъ и такъ остаются до перваго дня Пасхи (сообщ. Мишневъ). Тоже соблюдается во многихъ другихъ мѣстностяхъ Черноморіи. Въ Зеленчукѣ красятъ въ четвергъ, а при надобности и въ остальные два дня Страстной седьмицы, причемъ успѣваютъ за это время въ большей семьѣ окрасить около сотни яицъ (сообщ. Проскура). Тожественный обычай существуетъ у малоазіатскихъ грековъ въ окрестностяхъ Смирны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши. Въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ писанки начинаютъ приготовлять исподоволь съ начала или съ половины поста, а крашанки на послѣднихъ дняхъ Страстной седьмицы. Въ Барсуковской станицѣ кубанской области крашанки приготовляютъ въ Страстную субботу, а писанки съ 5 недѣли Великаго поста (сообщ. К. Донцовъ). Такое же обыкновеніе бытуетъ въ с. Калиновкѣ купянскаго у. (сообщ. г. Пелиховъ), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши (*Wisła*, 1890, IV, 824). Въ сѣверныхъ частяхъ польскихъ этнографическихъ предѣловъ красятъ яица отъ Проводской недѣли до Зеленыхъ святокъ (ib., 824). У Тарнова приготовляютъ писанки съ полудня понедѣльника Свѣтлой недѣли до Зеленыхъ святокъ (*Udziela*, 4). Въ Босніи—отъ Великой пятницы до Вознесенія (*Гласник* зем. Музеја, 1889, III). Вообще, время приготовленія писанокъ обусловливается случайными соображеніями экономическаго свойства.

Окрашиваніе яицъ въ четвергъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ станицѣ Гурійской, кубанской области, обусловлено тѣмъ повѣрьемъ, что если покраска яицъ произведена въ четвергъ Страстной недѣли, то таковыя писанки и крашанки не протухаютъ въ теченіи двѣнадцати дней и болѣе, въ какомъ бы мѣстѣ онѣ ни хранились, тогда какъ другія крашанки, буде онѣ изготовлены раньше четверга или позже, скоро портятся и дѣлаются негодными къ употребленію (сообщ. Лапушнякъ).

Окраска яицъ производится исключительно женщинами, въ однихъ мѣстахъ дѣвушками, въ другихъ, гдѣ обычай уже

погибаетъ, немногими старухами. Кое-гдѣ съ упадкомъ обычая выступили на сцену маляры. У поляковъ (*Udziela*, 5; *Wisła*, 1890, II, 461) и у малоруссовъ каменецъ-подольской губерніи ямпольскаго у. (сообщ. Савинова) расписываютъ яица дивчата. Онѣ сходятся по 2, по 3 и болѣе въ одной хатѣ и весело принимаются за пріятную работу, иногда въ присутствіи парубковъ. Въ харьковской губерніи работаютъ большею частью старухи, въ одиночку.

Въ опытныхъ рукахъ расписываніе идетъ бойко, и яйцо быстро покрывается изящнымъ рисункомъ. Вотъ какъ описываетъ г. Глинскій работу лучшей мастерицы писаночнаго дѣла въ с. Гульчѣ острожскаго уѣзда Маріи Суходоловой: „Суходолова не только ознакомила меня съ теоріей своего искусства, но и ознакомила меня съ нимъ практически. Она показала всѣ необходимыя принадлежности писаночнаго дѣла и въ моемъ присутствіи расписала въ простую писанку одно яицо. Суходолова положительно поражаетъ въ этомъ дѣлѣ ловкостью пріемовъ и пріобрѣтеннымъ навыкомъ. Расписываніе писанки въ довольно сложный узоръ у ней шло такъ же скоро и ловко, какъ переписка у любого каллиграфа. Держа яицо въ указательномъ и большомъ пальцахъ лѣвой руки, она держала кисточку въ правой рукѣ, какъ писчее перо, и слегка касалась яица правымъ мизинцомъ, чтобы фиксировать пишущую руку. Линіи изъ подъ кисточки выходили совершенно ровныя и правильныя“ (*Елисав. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Мѣстами приготовленіе писанокъ обставлено нѣкоторой обрядностью. Въ каменецъ-подольской губерніи и въ кубанской области къ приготовленію писанокъ приступаютъ отговѣвшись. Въ слоб. Анниной лебед. у. женщина, приготовляющая писанки, воду для мойки яицъ и составленія красокъ беретъ изъ долины снѣговую, несетъ эту воду рано утромъ, не поворачиваясь назадъ или въ сторону, при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо не здоровается и не отвѣчаетъ ни на привѣтствія, ни на вопросы, словомъ, соблюдаетъ строгое безмолвіе (сообщ. Дмитріевъ). Здѣсь къ обычаю раскраски яицъ примкнуло повѣрье о таинственно-цѣлеб-

номъ и могущественномъ значеніи непочатой воды, повѣрье, бытующее въ Россіи, Германіи и Франціи.

Въ с. Гульчѣ острожскаго у. яица держатъ въ краскѣ въ теченіи двухъ или трехъ „Отченашей“, т. е. такого времени, сколько требуется, чтобы прочитать два, три раза молитву „Отче нашъ“ (*Елисав. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Принадлежностей писаночнаго дѣла немного: горшокъ съ воскомъ, черепокъ съ горячими угольями, на которыхъ растапливается воскъ, кисточка домашняго издѣлія и краски. Эти простыя принадлежности, въ особенности краски, заслуживаютъ вниманія.

Краски бываютъ домашняго изготовленія или покупныя. Первыя добываются изъ тѣхъ растеній, которыя входятъ въ мѣстную огородную или лѣсную флору. Такъ:

Желтая краска добывается изъ коры дикорастущихъ яблонь, изъ шелухи лука или, что встрѣчается рѣже, изъ цвѣтковъ бузины. Желтая краска получается такимъ образомъ: въ горшокъ складывается яблоновая кора или шелуха лука, наливается холодной водой и кипятится. Въ станицѣ Барсуковской кубан. обл. цвѣтъ темно-желтый или „гавановый“ получается изъ шелухи спѣлаго лука, а свѣтло-желтый изъ мѣстнаго цвѣтка серпія (сообщ. Донцовъ). Въ купянскомъ у. желтую краску добываютъ изъ отвара купавокъ—Pyrethrum cor. (сообщ. П. В. Ив.), у поляковъ — изъ желтыхъ цвѣтковъ Caltha palustris (Udziela).

Синій цвѣтъ добывается въ ст. Удобной кубанской области изъ луковичнаго растенія, называемаго толкачики, по цвѣту—синька. Это растеніе рано показывается изъ земли вмѣстѣ съ подснѣжникомъ; если перекипятить краску, то яица окрашиваются въ темно-синій и черный цвѣта (сообщ. Жуковъ). Въ екатеринославской губ. изъ отвара гречаной половы получается цвѣтъ индиго (сообщ. Манжура), въ харьк. губ. изъ сушеныхъ цвѣтовъ синей мальвы Althea rosea (сообщ. П. В. И.).

Голубая краска для писанокъ въ кубанской области добывается изъ весеннихъ цвѣточковъ кіёчки, иначе называемыхъ барашки (с. Кобеляцкаго).

Зеленая краска добывается изъ ягодъ черники или ягодъ дикорастущей бузины, которыя растираются съ растворомъ желтой краски въ кашицу (въ Подоліи), изъ сережекъ осины или „котиковъ“ (тамъ же), изъ листьевъ жита (у поляковъ), изъ цвѣтовъ темно-красной рожи въ соединеніи съ желтой краской (харьк. губ.), изъ пролѣсковъ—scilla (харьк. и екат. губ.), изъ мха (у поляковъ варшавск. губ.).

Черная краска съ сизымъ отливомъ цвѣта воронова крыла добывается изъ коры ольхи (сообщ. Прасолова) и молодыхъ листьевъ черноклена—Acer tataricum (сообщ. П. В. И.).

Красная краска въ Полѣсьѣ изъ мѣстной кошенили или „червеца“ (*Левченко*, въ Зап. ю. з. о. географическ. общ., II, 149).

Мраморная краска получается изъ смѣшенія навара сухихъ листьевъ съ сытовымъ медомъ или чаще отъ завертыванія яицъ въ цвѣтную бумагу или лоскутки ситцевой матеріи.

Красный и синій цвѣта въ настоящее время получаются большею частью отъ анилиновыхъ красокъ. Фуксинъ и мителеновая синька, благодаря своей дешевизнѣ и цвѣтовымъ достоинствамъ во многихъ мѣстахъ вытѣснили старинныя краски домашняго приготовленія. Мѣстами слышится еще протестъ противъ фуксина. Такъ, въ с. Кубанскомъ куб. обл. записано народное повѣрье, что грѣшно красить пасхальныя яица въ фуксинъ, но почему грѣшно, никто не можетъ объяснить, и въ самомъ с. Кубанскомѣ фуксинъ оказывается наиболѣе употребительной краской при окрашиваніи пасхальныхъ яицъ (сообщ. Дружининъ). Крестьяне считаютъ фуксинъ ядовитой краской и называютъ ее „въѣдливой“, такъ какъ скорлупа яица окрашивается не только снаружи, но и внутри, а при скважинѣ окрашивается и бѣлокъ. Красный сандалъ и фуксинъ покупаются въ лавочкахъ или вымѣниваются (въ кубан. обл.) у мелкихъ подъѣзжающихъ къ каждому двору торговцевъ за яица, щетину и свиное сало (сообщ. Проскура).

Кромѣ красокъ для приготовленія писанокъ необходима еще обезцвѣчивающая жидкость. Таковой большею частью бываетъ бураковый квасъ или растворъ квасцовъ (галунъ).

Единственнымъ орудіемъ при раскраскѣ яицъ служитъ тонкая жестяная трубочка около сантиметра длиною, укрѣпленная нитками въ разщеплинѣ одного конца небольшой палочки. Трубочки изготовляются самими мастерицами изъ кусочковъ тонкой жести, которую для образованія трубочки загибаютъ на иголкѣ. Кисточки употребляются разныхъ калибровъ, смотря по тому, какой толщины требуются линіи въ рисункѣ писанки. При расписываніи трубочка обмакивается въ растопленный воскъ и однимъ концомъ трубочки выводится задуманный узоръ. Такъ приготовляютъ кисточку на Волыни въ острож. у. (*Елисав. Вѣст.*, 1889, № 103).

Въ купянскомъ у. харьк. губ. кисточка приготовляется такимъ же образомъ изъ четырехъ-угольнаго кусочка фольги (длиною около дюйма и шириною въ $1^1/_2$ линіи), загнутаго на иголкѣ (сообщ. Скубакъ и Пелиховъ).

Въ д. Кислицкой ямпольскаго у. каменецъ-подольской губ. кисточка приготовляется слѣдующимъ образомъ: Одна изъ дѣвушекъ вынимаетъ изъ уха сережку, отламываетъ отъ нея „дротъ“, т. е. то металлическое колѣнце, которое продѣвается въ ухо; этотъ дротъ привязывается къ деревянной палочкѣ, и дѣвушка говоритъ: „треба разводыть писанки!“ Это значитъ, что пора приступить къ дѣлу. Дротъ, прикрѣпленный или привязанный къ палочкѣ, называется кисточкой. Кисточка обмакивается въ растопленный воскъ и на яицо кладутся восковые узоры.

Тожественная съ волынской и харьковской польская кисточка—„pisak“ (*Wisła* 1890, 820), сходная сербская—„шараликъ“ (*Гласник. з. муз.*, 1889, III).

Кисточки, употребляемыя на Волыни, въ Харьковщинѣ и въ Польшѣ, представляютъ то удобство, что воскъ располагается по яицу равномѣрно, ровными линіями. Отъ серьги же и т. п. орудій получаются утолщенные концы линій.

Въ ст. Кубанской куб. обл. поверхность яица поливаютъ воскомъ изъ соломенной трубочки (сообщ. Дружининъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., Неберджаевской станицѣ куб. обл., держатъ восковую свѣчу въ наклоненномъ положеніи, чтобы частицы расплавленнаго воска отдѣлялись отъ свѣчи, и

выводятъ на скорлупѣ яица разныя фигуры (сообщ. Щ.). При такой раскраскѣ не можетъ быть и рѣчи о той тонкости, правильности и изящности рисунка, какія свойства имѣютъ писанки, разрисованныя посредствомъ трубочки—кисточки.

Приготовленіе писанокъ обыкновенно идетъ такъ: когда сдѣланъ или написанъ на натуральномъ фонѣ яица узоръ, яйцо кладутъ обыкновенно прежде всего въ растворъ желтой краски. Вынувъ изъ краски, мы, слѣдовательно, получимъ желтый фонъ и на немъ бѣлый узоръ, такъ какъ краска не могла окрасить только тѣхъ мѣстъ, которыя были покрыты воскомъ. По желтому фону опять пишутъ воскомъ и кладутъ въ зеленую краску; получится, слѣдовательно, зеленый фонъ и на немъ узоръ бѣлаго и желтаго цвѣта. По зеленому фону пишутъ опять и яйцо опускаютъ въ „бураковый квасъ“ для обезцвѣчиванія: получится опять вмѣсто зеленаго фона—фонъ натуральной яичной скорлупы, и затѣмъ яйцо опускаютъ или въ красную, или въ синюю краску, смотря по желанію. Опускать яйцо въ красную или синюю краску безъ предварительнаго обезцвѣчиванія отъ предъидущей краски нельзя, потому что отъ смѣшенія зеленой съ красной не можетъ получиться красный цвѣтъ, а равно также не получится синій цвѣтъ требуемаго тона отъ смѣшенія зеленаго съ синимъ. Красить же яйцо непосредственно послѣ желтой въ зеленой краскѣ напротивъ рекомендуется, какъ лучшее средство сдѣлать зеленую краску болѣе интенсивной и болѣе прочной. Что касается обезцвѣчиванія, то требуется послѣ опусканія яйца въ „бураковый квасъ“ хорошенько вытереть яйцо сначала суконной, а затѣмъ полотняной тряпочкой. Когда яйцо выкрашено въ красной краскѣ, по красному фону опять пишутъ воскомъ и т. д. Такимъ образомъ рисунокъ писанки можетъ состоять изъ нѣсколькихъ цвѣтовъ, смотря по желанію пишущей. Фономъ писанки будетъ тотъ цвѣтъ, въ какую краску было опущено яйцо въ послѣдній разъ. Если желательно имѣть фономъ натуральный цвѣтъ яичной скурлупы, то яйцо въ заключеніе обезцвѣчиваютъ. Когда окраска и расписываніе закончены, яйцо слегка нагрѣваютъ передъ пламенемъ, чтобы обтаялъ воскъ изатѣмъ уже готовыя писанки пекутъ, для чего ставятъ ихъ

въ мискѣ въ не очень горячую печь на 10—15 минутъ. Этимъ и заканчивается вся техническая сторона дѣла. Описанный методъ даетъ писанкамъ не только хорошаго тона краски, но и сообщаетъ послѣднимъ довольно значительную прочность. Что же касается самихъ манипуляцій расписыванія, то онѣ требуютъ не мало времени, терпѣнія и ловкости.

Этотъ способъ разрисовки яицъ встрѣчается въ Малороссіи, Галичинѣ, въ кубанской области, у поляковъ, чеховъ, боснійскихъ сербовъ.

Иногда прибѣгаютъ къ такому способу: окрашиваютъ яйцо и потомъ острой иглой или ножикомъ вырѣзываютъ рисунокъ. У литовцевъ и поляковъ такія писанки называются скробанками. Обычай этотъ бытуетъ у литовцевъ ковенской и ломжинской губ. (*Wisła*, 1890, 822), у чехо-моравовъ, извѣстенъ въ Великороссіи, на что есть указаніе въ „Пошехонской Старинѣ“ Салтыкова (стр. 264 въ изд. 1890 г.), извѣстенъ и въ Малороссіи. (Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косачевой, см. писанку подъ № 6, по окрашенному въ красный цвѣтъ яйцу ножемъ выцарапаны цвѣты).

Въ монастыряхъ и въ семьяхъ интеллигентнаго общества способы приготовленія писанокъ весьма разнообразны и искусственны: обклеиваютъ яйцо разноцвѣтными кусками шелковой матеріи или картинками, обклеиваютъ волошскіе орѣхи воскомъ и на немъ проводятъ разноцвѣтныя нити и проч. Городскихъ и монастырскихъ писанокъ мы не касаемся.

Обрядовое употребленіе крашанокъ и писанокъ пріурочено къ послѣднимъ днямъ Великаго поста, Свѣтлой и Ѳоминой недѣлямъ, преимущественно къ первымъ днямъ Пасхи.

Въ Бжедуховской станицѣ кубанской области, прикладываясь въ Страстную пятницу къ плащаницѣ, кладутъ около нея красныя яйца (сообщ. Прасолова).

Въ купянскомъ у. харьк. губ. одинъ изъ членовъ семейства выстаиваетъ Дѣянія и утреню въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье съ писанкой въ карманѣ, которую затѣмъ сохраняетъ, какъ домашній талисманъ, въ теченіе года (сообщ. Пелихова).

На Волыни писанками украшаютъ корзины съ хлѣбомъ, когда несутъ его въ церковь святить (*Елисавет. Вѣстн.* 1889, № 103).

Обычно употребленіе крашанокъ и писанокъ при разговѣніи и христосованіи. Въ Малороссіи, кубанской области (по сообщ. Мишнѣва), въ Галиціи („*Зоря Галицкая*“ 507) начинаютъ разговляться съ освященнаго краснаго яйца.

На Волыни писанки идутъ на пасхальные подарки почетнымъ и уважаемымъ лицамъ (*Елисав. Вѣст.* 1889, № 103).

Дѣвушки дарятъ писанки своимъ женихамъ; изрѣдка наоборотъ парубки дивчатамъ. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“ мастерица Оришка приготовила „хорошу та гарну писанку Тымоси, писаревому сыну, то отъ се писля Провидъ подае за нёго рушныкы, а писля Ушéстья на Клечáлный, и весилля буде“. Въ Подоліи на третій день Свѣтлой недѣли хлопцы нанимаютъ музыку и приглашаютъ дивчатъ танцовать, а дивчата при этомъ одариваютъ парубковъ писанками (сообщ. Савинова). Въ купянскомъ у. (с. Тарасовкѣ) женихъ обязательно даритъ невѣстѣ писанку (сообщ. Свѣтъ).

Въ Старой Сербіи молодки (того года обвѣнчанныя) на другой день Пасхи послѣ крестнаго хода на улицѣ обходятъ вмѣстѣ съ свекровями мужчинъ, даря каждому по два красныхъ яйца (*Ястребовъ*, Об. и пѣс. турец. сербовъ, 121).

По чешскому народному повѣрью обмѣнъ крашанками скрѣпляетъ дружбу (*Stranecka*, 10).

Въ Кіевщинѣ и въ Подоліи на второй день Пасхи дѣти идутъ христосоваться по хатамъ; крашанки и писанки у хозяйки лежатъ на припечкѣ, а пасха на столѣ; если хозяйка довольна, она даетъ дѣтямъ по яйцу; если недовольна—по ломтю пасхи (сообщ. Савинова; *Максимовичъ*, Собр. соч., II, 471).

Въ Кіевщинѣ и въ Галиціи на второй день Пасхи еще на разсвѣтѣ парубки ходятъ по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослыя дивчата, и если застаютъ спящей или неодѣтой, то обливаютъ водой. Дѣвушки заблаговременно поджидаютъ ихъ и кладутъ имъ въ ведро пару крашанокъ (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 472). Обычай этотъ существуетъ издавна. Бопланъ въ „Описа

ніи Украины“ (1650 г.) говоритъ: „утромъ на другой день Пасхи молодые люди толпами разгуливаютъ по улицамъ, ловятъ встрѣчающихся дѣвицъ, ведутъ плѣнницъ къ колодцу и обливаютъ съ головы до ногъ 5 или 6 ведрами воды, такъ что на бѣдненькихъ не остается сухой нитки. Эта забава дозволяется только до полудня. Во вторникъ настаетъ очередь для дѣвицъ, которыя мстятъ шалунамъ съ большой хитростью: притаившись въ какомъ нибудь домѣ и приготовивъ кружки съ водою, онѣ ставятъ на караулъ дѣвочку, которая при появленіи молодаго человѣка подаетъ знакъ; дѣвицы выбѣгаютъ изъ засады и ловятъ его съ ужаснымъ крикомъ, на который сбѣгаются подруги ихъ изъ сосѣднихъ домовъ. Двѣ или три сильныя дѣвушки держатъ молодца за руки, а прочія окачиваютъ его водою изъ кружекъ“ (стр. 79).

Обычай этотъ встрѣчается и за предѣлами Малороссіи. Въ Чехіи онъ называется помлазкой и состоитъ въ томъ, что молодые люди, парни и дѣвицы, сначала бьютъ другъ друга вербовыми вѣтками, а потомъ одариваютъ другъ друга писанками, или краслицами. Въ чешскихъ письменныхъ памятникахъ XIV в. упоминается уже этотъ обычай, съ указаніемъ, что и писанки при этомъ употреблялись. Въ одной церковной проповѣди 1610 г. находится подробное описаніе помлазки въ Прагѣ; на улицахъ продавались разукрашенные прутья; парни покупали ихъ, ходили съ ними по улицамъ и били женщинъ по рукамъ, требуя себѣ писанокъ. Наравнѣ съ пасхальной помлазкой въ Чехіи издавна бытуетъ обычай обливанія водой и одариванія писанками (*Zibrt*, Staročeske vyročni obyčeje, 77—83).

Обычаи пасхальнаго обливанія водой съ одариваніемъ писанками былъ, а мѣстами и нынѣ сохраняется у поляковъ. У витебскихъ латышей обрызгиваютъ водой и одариваютъ яйцами пастуховъ на Юрьевъ день, при выгонѣ въ поле скота. (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. племени, 3). Сходные обычаи нѣмецкіе и славянскіе, см. въ „Поэтич. воззрѣніяхъ“ *Аѳанасьева*, (III, 490—492).

Сопоставляя эти весенніе обычаи, можно прійти къ тому заключенію, что въ основѣ лежитъ символическое изображеніе

весенней природы, причемъ яйцо означаетъ солнце, вода—дождь и самый обрядъ выражаетъ желаніе плодородія, а въ переносномъ на людей смыслѣ силы, здоровья и радости.

Красное яйцо даетъ здоровье, силу и красоту. Крестьяне, заслышавъ впервые весенній громъ, умываются съ краснаго яйца на красоту, счастье и здоровье. На Юрьевъ день, выгоняя скотъ въ поле, гладятъ лошадей по хребту отъ головы до хвоста пасхальнымъ яйцомъ и приговариваютъ, „какъ яичко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будь и гладка, и сыта“ (*Аѳанасьевъ* Поэт. воззр., I, 538). Въ Купянскомъ у. харьк. губ. въ Страстную субботу кладутъ въ воду двѣ крашанки и монету. Собираясь къ заутренѣ въ Свѣтлое Воскресенье, умываются этой водой или всѣ члены семейства, или только молодежь для полученія здоровья и красоты.

Красное яйцо даетъ также плодородіе. Въ Великороссіи на праздникъ Пасхи крестьяне ставятъ на столъ кадку съ зернами пшеницы, зарывая въ ней яйцо, и зерна эти берегутъ для посѣва. Отправляясь сѣять ленъ, кладутъ въ мѣшокъ, наполненный сѣменами, яйца, а при посѣвѣ конопли разбрасываютъ по полю яичную скорлупу. Въ день Вознесенія ходятъ на поля, засѣянныя рожью, и подкидываютъ кверху красныя яйца, чтобы рожь такъ же высоко поднялась, какъ подброшенное яйцо (*Аѳанасьевъ*, I, 537). Въ лебединскомъ у. харьк. губ. изъ пасхальныхъ яицъ оставляютъ пару крашанокъ до Юрьева дня (23 апр.), а въ этотъ день идутъ на жита, качаютъ крашанки по зелени и зарываютъ ихъ въ землю на нивѣ, чтобы хлѣбъ былъ полный и не вылегалъ. Во время сбора хлѣба откапываютъ зарытыя яйца (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи закапываютъ на нивѣ скорлупу пасхальныхъ яицъ (Straněčka, 9).

Еще въ 1856 г. Максимовичъ замѣтилъ въ статьѣ „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“, что пасѣчникъ (въ Кіевщинѣ) идетъ на пасѣку похристосоваться съ своими пчелами и несетъ имъ безконечникъ—писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или покутній улей, называемый хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ, и главный улей, Зо́симъ, стоитъ всегда середь пасѣки

(Собр. соч., II, 472). Точно такое обыкновеніе существуетъ нынѣ въ купянскомъ уѣздѣ (сообщенія изъ двухъ селъ NN и Склобинской). Въ екатериносл. губ. скорлупа отъ освященныхъ яицъ идетъ на весеннюю закормку пчелъ (сообщ. Манжуры).

Въ купянскомъ уѣздѣ крашанчи или только скорлупа отъ нихъ предохраняютъ хлѣбъ отъ мышей: когда привезутъ съ поля снопы новаго хлѣба, то, положивъ накрестъ четыре снопа, кладутъ подъ нихъ скорлупу крашанокъ и кости отъ пасхальнаго поросенка, и затѣмъ накладываютъ стогъ.

Въ лебединскомъ уѣздѣ пару первыхъ крашанокъ откладываютъ отдѣльно и берегутъ въ домѣ, какъ средство, предотвращающее громовой ударъ надъ дворомъ (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи для предохраненія избы отъ громоваго удара бросаютъ черезъ нее яйцо, снесенное въ зеленый четвергъ и освященное на Свѣтлый праздникъ (*Stranečka*, 7; *Аѳанас.*, I, 538).

Въ Великороссіи при пожарахъ обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія яйцо, которымъ христосовались въ первый день Свѣтлаго праздника, и вѣрятъ, что огонь далѣе не распространится. Яйцо это, брошенное въ пламя пожара, тотчасъ погашаетъ его (*Аѳан.*, I, 538). Въ купянскомъ у. сохраняютъ пасхальное яйцо, полученное въ церкви отъ священника, какъ предохранительное средство отъ пожара (сообщ. Свѣтъ). Въ томъ же уѣздѣ записано повѣрье, что въ случаѣ пожара помогаетъ первая пара яицъ, окрашенная во время выноса плащаницы (сообщ. NN). Въ Неберджаевской станицѣ кубанской области предохранительнымъ средствомъ отъ пожара считается писанка, полученная въ первый день Пасхи отъ священника. Въ случаѣ пожара эту писанку бросаютъ въ ту сторону, откуда дуетъ вѣтеръ, чтобы дать ему другое направленіе (сообщ. П. Щ). Точно такой обычай существуетъ у хорватовъ.

Писанкамъ приписывается еще важное лѣчебное значеніе. Въ с. Калиновой купянскаго у., если кто давно страдаетъ лихорадкой и ничто не помогаетъ, то на шею больнаго вѣшаютъ крашанку, которая была въ церкви въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье (сообщ. Пелихова). Тожественное повѣрье записано въ кубанской области. Въ Тенгинской станицѣ больныхъ ли-

хорадкой окуриваютъ скорлупой освященныхъ писанокъ или вѣшаютъ скорлупу на шею (сообщ. Расавскаго). Тоже и въ Старокорсунской станицѣ (сообщ. Мишнева).

Въ лебединскомъ у. и на Кубани крашанками лѣчатъ отъ желтяницъ: засушиваютъ нѣсколько свяченыхъ крашанокъ, растираютъ въ порошокъ желтокъ и даютъ съ водою во время разлитія желчи (сообщ. Мишнева) или подкуриваютъ больнаго желтяницами скорлупами крашанокъ (сообщ. Дмитріева).

Въ с. Араповкѣ купянскаго у. крашанки употребляются какъ лѣкарство отъ рожи или бышихи (сообщ. Скубака).

Писанки имѣютъ важное предохранительное значеніе отъ сглазу и порчи коровъ вѣдьмами, а также и отъ порчи куръ. Въ купянскомъ уѣздѣ и на Кубани распухшее вымя подкуриваютъ писаночной скорлупой (сообщ. Склобинской, Товпекина и Дудка). Особенно характерно употребленіе писаночныхъ скорлупъ и другихъ освященныхъ остатковъ пасхальнаго стола, какъ оберега отъ колдовства, въ станицѣ Зеленчукской кубанской области. Собравъ остатки (скорлупу, хлѣбныя крошки и т. п.), просверливаютъ рогъ у коровы, предварительно окропленной святой водой, и залѣпливаютъ щель. Дѣлаютъ это для охраны коровы отъ чародѣйской порчи (сообщ. О. Проскура).

Въ купянскомъ у. и на Кубани писанки несутъ на кладбище и кладутъ на могилы или зарываютъ въ землю. Въ с. Араповкѣ отмѣченъ такой обычай: „На велыкдень йдутъ на кладовыще и закопуютъ писанки; на другый день одкопуютъ и роздаютъ дитямъ. Якъ вси крашанки цилы, такъ значыть душа покойныка угодна Богу, а якъ собаки або хто другый ихъ поодрыва, такъ душа невгодна Богу и незвисно чимъ помогты тій души“ (с. Скубакъ). Существуетъ повѣрье, что если положить на могилу ту крашанку, которая впервые была получена на Пасху, то покойникъ слышитъ все, что говорятъ ему (сообщ. Донцова, Пелихова, Проскуры). Въ Старокорсунской станицѣ въ первый день Пасхи старшій въ семьѣ несетъ въ церковь писанки, приготовленныя въ четвергъ и раздаетъ ихъ на поминовеніе младенцевъ, умершихъ некрещеными (сообщ. Мишнева). Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ замѣченный въ

купянскомъ у. обычай бросать скорлупу писанокъ въ рѣку для русалокъ и утопленниковъ. По народнымъ преданіямъ въ старину ходили къ рѣкѣ христосоваться съ русалками и раздавали при этомъ крашанки и писанки, покотивъ ихъ предварительно по берегу (сообщ. Скубакъ). Послѣдняя подробность приводитъ къ весьма распространенной игрѣ въ „котка“.

Древнѣйшія документальныя свидѣтельства о катаніи яицъ на Пасху относятся къ XIV в., а о битьѣ яицъ къ XVII в.

Въ Россіи монастырскіе наказы XVII в. запрещаютъ пасхальную игру въ битки яицъ (*Аѳанас.*, I, 537). Можно предположить за этими играми глубокую древность, если вѣрно наше мнѣніе, что въ обычаѣ катить яйцо нѣкогда символически выражалось движеніе солнца по тверди небесной. Въ Великороссіи эта дѣтская игра обычна въ настоящее время. Наглядно ее можно видѣть на рисункахъ Каразина и Васнецова въ № 12 „Нивы“ 1885 г.

Мѣстные малорусскіе варіанты игры въ пасхальныя яйца незначительны.

Въ купянскомъ у. харьковской губ. различаютъ двѣ игры въ крашанки: 1) навбытка и 2) навкотка. Навбытка играютъ такъ: мальчикъ, постукавъ носкомъ и гузкою яйца о свои зубы, выбираетъ битокъ. Онъ держитъ въ рукѣ яйцо такъ, чтобы былъ виденъ только носокъ его, въ который бьетъ носкомъ своего яйца другой мальчикъ. Затѣмъ бьютъ гузкою о гузку. Выигрываетъ тотъ, у кого яйцо осталось цѣлымъ. Въ навкотка играютъ такимъ образомъ: катаютъ по желобочку изъ лубка яйца, иногда просто съ бугорка и чье яйцо, катясь, ударится или цокнетъ о другое, тотъ выигрываетъ (*Ивановъ*, Игры крест. дѣт., 41). При этомъ дѣло не всегда ведется дѣтьми начисто: иногда дѣти за нѣсколько дней до праздника приготовляютъ крѣпкія битки такимъ образомъ: прокалываютъ шиломъ дырочку въ скорлупѣ, выпускаютъ содержимое яйца и наливаютъ воску, отчего яйцо дѣлается крѣпкимъ. Дѣлаютъ также искусственныя яйца изъ крупичатаго тѣста и окрашиваютъ красной краской (сообщ. Скубакъ).

Въ Полтавщинѣ отмѣчена тожественная игра въ навбитки (*Сементовскій*, въ Маякѣ, 1843. XI).

Въ екатеринославской губ. играютъ „у слипця“ и „у китця“. Первая игра ведется такъ: играющихъ двое. Одинъ ставитъ яйцо на конъ, а другой отходитъ на нѣсколько шаговъ и плотно закрываетъ шапкою глаза. Затѣмъ разъ или нѣсколько оборачивается кругомъ, обыкновенно чѣмъ дальше лежитъ яйцо—тѣмъ оборотовъ меньше, напр. одинъ, а чѣмъ ближе тѣмъ больше (не больше 3-хъ), и затѣмъ идетъ къ яйцу. Если пойдетъ по его направленію и остановится около него, то выигрываетъ. У китця—тоже играютъ двое. Одинъ кладетъ яйцо на конъ, а другой, отошедши на условленное разстояніе, становится въ солдатскую позицію (пятки вмѣстѣ, носки врозь), перегибается и опускаетъ руку съ яйцомъ къ землѣ такъ, чтобы она какъ разъ приходилась между носками сапоговъ и тихо катитъ яйцо. Если попадетъ въ поставленное, то и выигрываетъ. „Навбитки“ встрѣчаются рѣдко, какъ случайность, а не игра. (Сообщ. И. И. Манжура).

Въ кіевской губ. (каневскаго у.) „котючка“, или катаніе писанокъ бываетъ въ первые два дня Пасхи, а „навбитки“ въ первые три дня Пасхи и на проводы. Эти игры почти тожественны съ харьковскими навбитки и навкотки (*Чубинскій*, Труды, IV, 43).

Въ Галиціи существуетъ также игра въ навбитки „проба писанокъ“. Парубки играютъ писанками, полученными отъ дивчатъ (*Лозинскій*, „Зоря Галицкая“, 1860, 509).

Въ кубанской области дѣти также играютъ въ „битки“ и „катанье“ или „навбитки“ и „катки“ (сообщ. Донцева и Дудка).

Игра въ крашанки не ограничивается Свѣтлой и Проводской недѣлями. Во многихъ мѣстахъ Украины дивчата послѣ обѣда въ Юрьевъ день выходятъ катать крашанки въ поле на житахъ и тамъ закапываютъ ихъ въ землю до начатія жатвы (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 485).

У поляковъ плоцкой губ. на Пасху дѣти и взрослые играютъ въ битки и котки причемъ самыя игры эти тожественны съ малорусскими (*Zbiòr Wiadomosci*, II, 17).

Что игра „у китця“ имѣетъ миѳо-символическое значеніе, видно изъ того, что она бываетъ у латышей весной въ честь солнечнаго бога Усеня. Когда пастухи въ первый разъ выгоняютъ коней на ночлегъ, хозяйки даютъ имъ по 4 или по 10 яицъ на лошадь. Пастухи дѣлаютъ углемъ мѣтки на яйцахъ и варятъ ихъ. Иногда бросаютъ яйцо въ густой кустъ вербы, чтобы лошади были хороши, или кладутъ яйцо въ дубъ, чтобы лошади были сильны. Въ польской Лифляндіи этотъ пиръ устраивается обыкновенно наканунѣ Егорова дня. Пастухи бьются яйцами, причемъ тотъ, у кого яйцо крѣпче, приговариваетъ „мой конь сильнѣе“. Въ одной пѣснѣ приглашаютъ принести Усеню въ жертву сто яицъ; въ другой пѣснѣ самъ Усень раздаетъ яйца (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. племени, 26—28).

Катаніе писанокъ, какъ символъ движенія солнца, соотвѣтствуетъ катанію по столу другого солнечнаго символа свадебнаго вѣнка (подроб. см. въ моемъ соч. О свадебныхъ обрядахъ 79—89). Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ находятся указанія, что дѣвушки, свивши вѣнокъ, катили его по столу *Метлин.*, 143, *Шейнъ*, 361).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ покатить предметъ по землѣ могло означать посвященіе предмета солнцу или точнѣе жертвоприношеніе. Такое значеніе, повидимому, имѣетъ слѣдующій базарный обычай, отмѣченный Г. Ѳ. Квиткой въ „Солдатскомъ портретѣ“. Торговка Явдоха вышла на базаръ съ паляницами (круглый хлѣбъ): „отъ молодыци и кричать Явдоси: а ну, паньматко, выбирай мисце, на щаслыву продажу. Ты въ насъ голова, де ты сядешъ, то и мы биля тебе. Явдоха и узяла зъ чужой коробки паляныцю, стала насходъ сонця, тричи перехрестылась, та и покотыла паляныцю навпаки сонця“. Паляниця упала около солдатскаго портрета. Бабы, принявшія портретъ за живаго солдата не захотѣли садиться около солдата и Явдоха „поворожыла“ другою паляныцею. Эта своеобразная ворожба указываетъ на культъ солнца.

Писанки рѣдко поступаютъ въ продажу. Въ слободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда я встрѣчалъ ихъ на базарѣ

въ послѣдніе дни Страстной седьмицы. Малярской работы покупалъ по 5 коп. за писанку, простой „бабской“ по 1 коп. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“, написанной въ началѣ 30-хъ годовъ, дѣвушка-мастерица одну изъ писанокъ, лучшую по рисунку, откладываетъ своему жениху, „а уси прочіи понесе вона зъ сестрами завтра у велыкодну суботу на мисто у городъ та попродавшы, накуплять скиндячокъ, стричокъ, шпалеривъ на голубы, шушыхы и усего, чого имъ треба, а чого не попродають, такъ празныкамы пидъ колискамы поминяють на горихы, на мочени кисличкы, на горохвьяныкы и на усяки ласощи“. Писанки идутъ на уплату за качели и въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Харьковщинѣ (сооб. Скубинскій), въ кубанской области (с. Донцова).

На Волыни (с. Глинскаго) и на Кубани (с. Расавскаго и Е. Барановской), изрѣдка въ Харьковщинѣ вѣшаютъ писанки подъ иконами или подъ лампадками. Въ Темрюкѣ въ сырой писанкѣ дѣлаютъ на противоположныхъ концахъ по дырочкѣ, вытягиваютъ ртомъ содержимое яица, затѣмъ продѣваютъ насквозь ленточку или ниточку и привязываютъ къ лампадкѣ (с. Барановской).

На Волыни изъ скорлупы писанокъ, которую стараются сохранить въ возможной цѣлости при помощи воска, выдѣлываютъ такія бездѣлушки какъ кувшинчики, рюмочки, крошечныя вазочки (Елисаветгр. Вѣстн., 1889, № 103).

Писанки или ихъ скорлупа сохраняются въ теченіе года, до слѣдующей Пасхи (с. Пелихова), или до лѣта (Udziela), или до Вознесенія Господня (с. Савинова).

Въ научномъ отношеніи писанки заслуживаютъ вниманія и изученія преимущественно по рисунку. Въ орнаментаціи сказывается все значеніе ихъ археологическое и эстетическое.

Разнообразныя формы писаночныхъ рисунковъ мы раздѣляемъ на слѣдующіе разряды орнаментаціи: геометрическій, солярный, растительный, животный, предметно-бытовой и религіозный. Солярная орнаментація близко подходитъ къ геометрической, почти сливается съ нею.

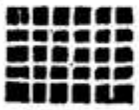
Въ археологическомъ отношеніи наиболѣе любопытной по обломкамъ древности представляется геометрическая орнаментація, въ художественномъ геометрическая и растительная.

Геометрическая и растительная формы орнаментаціи существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Въ памятникахъ, открытыхъ въ Санторинѣ и въ Микенахъ, рядомъ съ геометрической орнаментаціей стоитъ уже растительная, весьма развитая.

Родиной геометрической орнаментаціи считаютъ Элладу. Существуетъ болѣе вѣроятная теорія, что геометрическій стиль принесенъ индоевропейскими народами изъ первоначальной арійской родины. Французскій ученый Дюмонъ допускаетъ вліяніе финикійской или вообще азіатской промышленности на происхожденіе и развитіе геометрическаго стиля орнаментаціи (*Павлуцкій*, Греч. росписн. вазы, 61—64). Первоначальныя, формы геометрической орнаментаціи такъ просты и незатѣйливы, что возникнуть онѣ могли у разныхъ народовъ древности самостоятельно, и нѣтъ надобности доискиваться родины геометрическаго орнамента. Разумѣется, вполнѣ возможно, что съ теченіемъ времени болѣе развитый геометрическій орнаментъ одного народа оказывалъ вліяніе на орнаментацію другихъ народовъ, и здѣсь скорѣе всего можно выдвинуть вліяніе азіатскаго востока, гдѣ искони геометрическая орнаментація отличается изяществомъ и сложностью. Въ пользу мнѣнія о самостоятельномъ зарожденіи, а мѣстами и самостоятельномъ развитіи геометрическаго стиля говоритъ чрезвычайное его распространеніе во всѣхъ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря, въ Германіи, Венгріи, Даніи, Швеціи, Россіи, Индіи, Китаѣ. Фрагменты вазъ съ геометрическимъ украшеніемъ найдены также въ Іерусалимѣ и въ Куюнджикѣ въ Ассиріи (*Павлуц.*, 62).

За немногими исключеніями, когда геометрическіе или растительные рисунки разбросаны по всей поверхности яица, обыкновенно поверхность яица раздѣляется продольной или поперечной чертой, иногда двумя продольными или двумя поперечными, иногда многими продольными или четырьмя или даже шестью поперечными. Этими главными линіями опредѣляется форма рисунка. Поперечная линія или полоска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (напр. въ лебединскомъ у. харьк. губ.) называется пояскомъ, а самая писанка поясныцей или безпоясныцей. Къ основнымъ и поперечнымъ линіямъ иногда

присоединяются косыя и ломаныя линіи, образующія въ пересѣченіи съ прямыми и поперечными треугольники и розетки. Образцомъ рисунка изъ пересѣкающихся продольныхъ и косыхъ линій могутъ служить писанки №№ 1 и 2 въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой. Въ особенности красивъ бываетъ сложный линейный рисунокъ на писанкахъ подъ названіемъ *„сорокаклынци“*. Здѣсь дѣйствительно бываетъ сорокъ треугольниковъ. Такія писанки встрѣчаются на Волыни, въ Подоліи, въ Харьковщинѣ (сообщенія и коллекціи Глинскаго, Скубака, Савинова), въ Болгаріи. Иногда писанки этого рисунка называются „клынци“; тогда бываетъ только 24 треугольника. При разрисовкѣ писанки прямыми и косыми линіями треугольники представляются настолько естественно вытекающей формой рисунка, что мы не видимъ надобности выводить ее преемственно изъ того архаическаго троеграна, который встрѣчается на древнихъ бронзахъ, тканяхъ и мозаикахъ съ символическимъ значеніемъ (*Wankel*, 15). Нужно, впрочемъ, оговорить, что троегранъ на моравскихъ писанкахъ иногда имѣетъ самостоятельное значеніе сравнительно съ ближайшими къ нему геометрическими фигурами, напр. на 20, 22 и 24 писанкахъ въ атласѣ Странечки и Ванклевой, и при ограниченности наличнаго матеріала мы не беремъ на себя смѣлости совсѣмъ устранить архаическій троегранъ изъ писаночной орнаментаціи.

Къ простѣйшему линейному орнаменту на писанкахъ относится еще *плетенка*.  Это одна изъ древнѣйшихъ орнаментацій, извѣстная уже въ эпоху обитанія въ Европѣ мамонта, отмѣченная на каменныхъ влиняныхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ первобытной эпохи (*Wankel*, 24). На родосскихъ вазахъ (энохое, гидріяхъ, амфорахъ), выражающихъ въ своей орнаментаціи вліяніе азіатскихъ мотивовъ, плетенка часто встрѣчается (*Павлуцкій*, 69). Встрѣчается этотъ орнаментъ и на писанкахъ славянскихъ народовъ, моравскихъ (въ атласѣ *Ванклевой*, 4, 21, 43, 44, 45), великорусскихъ и малорусскихъ. Самый простой, наиболѣе архаическій рисунокъ плетенки мы видѣли на одной малорусской писанкѣ изъ черниговской губерніи. Тожественный рисунокъ на моравской писанкѣ въ атласѣ

Ванклевой подъ № 21. Въ моей коллекціи есть плетенка на великорусской писанкѣ изъ щигровскаго у. курской губ.

Точечная орнаментика чрезвычайно распространена на древнихъ греческихъ сосудахъ и вещахъ греческихъ съ береговъ Мраморнаго и Чернаго морей, на серебряныхъ и золотыхъ скиѳскихъ вещахъ, въ новое время въ орнаментикѣ всѣхъ славянъ, преимущественно сербовъ и чехо-моравовъ, надъ окнами и дверями, на стѣнахъ, на вышивкахъ, въ Россіи на ярмахъ и дугахъ, у чехо-моравовъ очень часто и въ обиліи на писанкахъ (въ атласѣ *Ванклевой* №№ 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 26, 29, въ большомъ количествѣ точекъ №№ 31, 32, 34, 35, 36; въ связи съ растеніями 37—42). Сочетанія точекъ весьма разнообразны; точки идутъ въ-рядъ одна за другой, или стоятъ въ видѣ треугольника или по четыре квадратомъ, или прикрѣплены ножками къ линіямъ, или окружаютъ листья и цвѣты. На малорусскихъ писанкахъ точечная орнаментика не имѣетъ опредѣленнаго характера и не имѣетъ важнаго самостоятельнаго значенія. Изрѣдка она встрѣчается въ пояскѣ на крестовыхъ писанкахъ (у *Косачевой* №№ 12 и 19), чаще вокругъ листьевъ и цвѣтовъ, причемъ переходитъ вполнѣ въ растительный орнаментъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ к.-подольской губ. писанки съ точечными украшеніями называются капанками (накапано воскомъ).

Изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ (въ нашихъ коллекціяхъ на подольскихъ писанкахъ) и весьма часто на моравскихъ встрѣчается *трезубецъ*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безъ ножки, въ видѣ Мы не расположены придавать этому значку архаичное значеніе, такъ какъ полагаемъ, что онъ появился на писанкахъ независимо отъ древнихъ письменъ, напр., рунъ, гдѣ трезубецъ обозначалъ при положеніи остріями вверхъ мужа, человѣка, мѣсяцъ, при положеніи внизъ—небо, облако, независимо отъ письменъ финикійскаго и греческаго, гдѣ этотъ знакъ означалъ буквы m, t, psi (*Wankel*, 17). На писанкахъ трезубецъ появляется въ концѣ линій, по нашему предположенію, какъ естественный результатъ разрисовки яица шпилькой, когда остатокъ расплавленнаго воска, удержавшійся на концѣ шпильки, расходуется на оконечности линій.

Самостоятельное положеніе на писанкахъ имѣетъ близкій къ трезубцу знакъ трискелъ или *трикветръ* Этотъ знакъ встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ (въ Подоліи), отмѣченныхъ въ моей коллекціи подъ названіями рута, орѣховый листъ и пауки, и на моравскихъ въ атласѣ Ванклевой рис. № 26. Этотъ знакъ имѣлъ въ древности мистическое и миѳическое значенія, какъ символъ движенія солнца по тверди небесной и плодородія. У финикіянъ трикветръ былъ символомъ Ваала. Въ позднее время этотъ знакъ въ Сициліи вошелъ въ геральдику. Часто онъ встрѣчается въ Даніи на древнихъ бронзовыхъ ножахъ, сѣкирахъ, фибулахъ, въ курганныхъ вещахъ въ Силезіи, Венгріи, Малороссіи, Италіи, Малой Азіи, Сиріи (*Wankel*, 19—20). На нѣкоторыхъ писанкахъ трикветръ получилъ значеніе растительнаго орнамента.

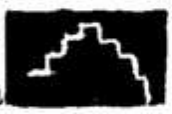
Въ геометрической орнаментаціи на малорусскихъ, великорусскихъ и моравскихъ писанкахъ часто встрѣчается солнечный знакъ иногда съ точкой въ серединѣ круга, иногда съ загнутыми въ концѣ лучами, иногда съ точками вокругъ круга, замѣняющими лучи. Въ атласѣ моравскихъ писанокъ Ванклевой см. №№ 31, 33, 26, 47, 25, 26, въ статьѣ Ванкеля рисунки на с. 20. Въ моихъ коллекціяхъ солнечный знакъ имѣетъ одна писанка изъ Боромли ахтырскаго уѣзда, три писанки изъ к.-подольской, 1 изъ Волыни и 1 изъ курской губерніи (великорусская). Волынская писанка вся состоитъ изъ такихъ кружковъ съ лучами; на другихъ писанкахъ они являются дополненіемъ къ другимъ рисункамъ. Вообще, этотъ орнаментъ имѣетъ на писанкахъ вполнѣ самостоятельное положеніе, и, по всей вѣроятности, символизировалъ въ древности солнце. Принимая эту гипотезу, мы естественно должны признать писанки съ солнечнымъ символомъ древнѣйшими по рисунку. По двумъ писанкамъ нашей коллекціи, подольской и курской, можно догадаться, въ какой обстановкѣ солнечный знакъ является на писанкахъ изстари: на обѣихъ писанкахъ, особенно отчетливо на подольской, нарисованы деревья и солнечные знаки по сторонамъ ихъ. Подольская писанка и названіе носитъ „сосенка“. Рисунокъ знаменуетъ весеннее возрожденіе природы подъ лу-

чами солнца. Этотъ знакъ съ его варіантами, какъ символъ солнца, встрѣчается на многихъ памятникахъ доисторическихъ временъ, на костяныхъ, бронзовыхъ и глиняныхъ издѣліяхъ, въ древне-египетскихъ храмахъ и пирамидахъ, на старинныхъ славянскихъ вышивкахъ.

Весьма часто на писанкахъ встрѣчается изображеніе *звѣзды*, чаще всего такъ называемой греческой звѣзды Въ атласѣ Ванклевой съ такой звѣздой писанки подъ №№ 1, 2, 7, 8, 25, 44. Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косачевой см. л. 15 №№ 3, 4, 10, 11, 12, 13. Въ Tygodnik illustr. dla dzieci 1889 г. № 15 рис. подъ № 25. Въ моихъ коллекціяхъ около 10 писанокъ съ греческой звѣздой, изъ харьковской, полтавской, волынской и к.-подольской губерній. Это самая распространенная и самая изящная форма звѣзды. Встрѣчаются другія формы звѣзды, напр., съ закругленными концами лучей. Эта форма звѣзды при грубомъ исполненіи не отличается отъ растительныхъ формъ орнамента. Самой простой и грубой формы звѣзды можно признать четыреугольную, встрѣчающуюся изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ. Писанки со звѣздами часто встрѣчаются на Кубани и въ Польшѣ. Рисуютъ звѣзды чаще на широкихъ продольныхъ сторонахъ яица, иногда на окраинахъ верхней и нижней; лучи расходятся, какъ въ греческой звѣздѣ, или сходятся къ центральной точкѣ.

Весьма любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи писаночнымъ орнаментомъ представляется *пентаграмъ* Этотъ мистическій знакъ имѣетъ весьма широкое распространеніе и глубокую древность. На Каролинскихъ островахъ пентаграмъ вырѣзываютъ на кожѣ при татуировкѣ (*Wankel*, 21). У лопарей пятиугольникъ обычное оленье клеймо и въ то же время амулетъ (*Харузинъ*, 252). Въ Марокко женщины навѣшиваютъ своимъ дѣтямъ на шею амулеты съ знакомъ пентаграма. Антіохъ Сотеръ въ походѣ на галатовъ ввелъ этотъ амулетъ въ своихъ войскахъ. Тѣлохранители византійскихъ императоровъ имѣли пентаграмъ на своихъ щитахъ. Его находятъ на доисторическихъ мечахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, имѣлъ охранительное значеніе амулета. Его рисовали въ старинное

время надъ дверями для охраны дома отъ чародѣевъ и злыхъ духовъ. Пентаграмъ имѣлъ таинственное значеніе у пиѳагорейцевъ и у древнихъ индусовъ (*Wankel* 21). Въ индійской символикѣ Шиву обозначали треугольникомъ остріемъ вверхъ въ видѣ пирамиды, Вишну — треугольникомъ въ обратномъ видѣ остріемъ внизъ, а положенные одинъ на другой треугольники эти составляли особый знакъ, который служилъ символомъ огня и воды, зла и добра, вообще символомъ вселенной (*Nowosielski*, Lud. ukr. I, 185). Пентаграмъ встрѣчается на моравскихъ писанкахъ (см. въ атласѣ Ванклевой № 32).

Къ числу весьма характерныхъ архаичныхъ элементовъ геометрической орнаментаціи принадлежитъ также *меандръ* или край Меандръ встрѣчается въ орнаментаціи на  немъ востокѣ на памятникахъ Индіи и Китая, весьма часто и въ разнообразныхъ сочетаніяхъ на древнихъ греческихъ вазахъ, весьма часто на этрусскихъ вазахъ, на многихъ предметахъ древности, найденныхъ въ славянскихъ странахъ, въ новое время у славянъ на вышивкахъ и гончарныхъ издѣліяхъ, у чехо-моравовъ на писанкахъ. Меандръ не встрѣчается на памятникахъ иранскаго и семитическаго племенъ. Одни ученые родиной меандра считаютъ древнюю Грецію, другіе Этрурію. Ванкель полагаетъ, что славянамъ издревле былъ извѣстенъ этотъ орнаментъ. По всей вѣроятности, народы на извѣстной стадіи духовнаго развитія самостоятельно выработали и полюбили эту форму орнаментаціи, оказавшуюся особенно пригодной въ архитектурѣ и мозаикѣ.

Одинъ ученый, занимавшійся въ 70-хъ годахъ изученіемъ малорусской орнаментики и собиравшій съ этой цѣлью, между прочимъ, писанки, недавно сообщилъ мнѣ, что въ его коллекціи было нѣсколько писанокъ съ изображеніемъ свастики. Недавно въ польскомъ этнографическомъ журналѣ „Висла“ (1889, стр. 970) было также указаніе, что *свастика* встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ. Въ моихъ коллекціяхъ такихъ писанокъ нѣтъ. Свастика является исконнымъ религіозно-мистическимъ и сим волическимъ знакомъ. Самое слово svastika древне-индійское (sv—asti) и означаетъ добро есть, на

здоровье. Другой научный терминъ этого знака, рѣже встрѣчающійся, „тетраскелъ“ (четыреногъ). Свастика встрѣчается на древнихъ памятникахъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Ее нашли у монгольскихъ народовъ, у финикійцевъ и этрусскovъ, у финновъ, у американцевъ. У галловъ и германцевъ она является въ концѣ бронзоваго вѣка; у римлянъ лишь въ III в. по Р. Хр.; этрусски, повидимому, употребляли ее для украшенія. Предполагаютъ, что азіатскіе туранцы заимствовали свастику отъ арійцевъ. Вообще, свастика—любимый религіозный символъ арійцевъ. Относительно происхожденія этого знака существуетъ въ наукѣ гипотеза, что свастика была первоначально орудіемъ для добыванія огня, употреблялась при священныхъ обрядахъ и впослѣдствіи стала знаменовать высшее божество солнца, Аполлона, Одина. И теперь свѣтъ очаровываетъ дѣтей. Въ глубокой древности онъ очаровывалъ и взрослаго человѣка. Намъ, ослабляющимъ мракъ ночи факелами, лампами и электричествомъ, трудно представить себѣ ужасъ пра-человѣка предъ глубокой тьмой, которую его фантазія населяла страшилищами и радость его при свѣтѣ и всякомъ его символѣ (*Трачевскій*, въ IV т., Труд. одес. арх. съѣзда 14; *Wisła*, 1889, 710, и 970; *Wankel*, 18).

Нѣсколько спиральныхъ линій, колецъ или завитушекъ, обходящихъ вокругъ писанки, составляютъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ Малороссіи писаночныхъ рисунковъ, такъ называемый *безконечникъ*. Въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой, см. подъ № 21. Въ моихъ коллекціяхъ находится 8 безконечниковъ изъ харьковской, волынской, к.-подольской губерній и кубанской области. Изящный безконечникъ изъ г. Краснокутска богодуховскаго у. по рисунку вполнѣ сходенъ съ безконечникомъ изъ с. Гульчи, острожскаго у., волынской губерніи. Въ народѣ писанки этого рисунка имѣютъ обрядо-мистическое значеніе. Пасѣчникъ идетъ на Пасху христосоваться съ пчелами и несетъ имъ безконечникъ, который кладетъ подъ первый или покутній улей, называемый у заднѣпровцевъ хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 472). Тожественный обычай существуетъ нынѣ въ купянскомъ у.,

харьк. губ.: „Писанку безконешникъ пасяшныки кладутъ пидъ вулій и бережутъ ій, щобъ безконечно роились бджолы. И сему суща правда! Безконешною вона зветця потому, шо стики ій ни розглядай, а начала и кинця въ неи не найдешь: одни вылюжки та карлючки“ (сообщ. А. А. Склобинская). Безконечники бываютъ различныхъ формъ: цвѣтныя кольца или спиральныя линіи идутъ поперекъ яйца, или, что рѣдко встрѣчается, вдоль. Писанки послѣдняго рода найдены мной въ одной записи изъ к.-подольской губерніи и въ коллекціи свящ. Дмитріева изъ лебединскаго у., харьк. губ.

Религіозно-христіанскія формы рисунка мало распространены сравнительно съ другими формами писаночной орнаментаціи. То, что слабо въ этомъ отношеніи въ настоящее время, навѣрно можно сказать, было слабо и неразвито ивъ старину. Это вовсе не говоритъ противъ народнаго чувства религіозности. Это чувство издавна велико. Не подъ силу было простому неграмотному крестьянину ввести въ писанки христіанскую орнаментацію. Съ появленіемъ въ селѣ грамотныхъ маляровъ и съ распространеніемъ грамотности среди крестьянъ и на писанкахъ появились надписи религіознаго характера, изображенія Спасителя, пресв. Дѣвы Маріи, ангеловъ, чаши.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи, напр., въ к.-подольской губерніи, религіозная тенденція захватила одну изъ самыхъ популярныхъ писанокъ геометрическаго стиля—сорокаклинцы: писанка стала означать или сорокадневный постъ или сорокъ мучениковъ. Мѣстами ее раскрашиваютъ въ день 40 мучениковъ (с. Роткевича). Въ принадлежащей мнѣ коллекціи писанокъ изъ подольской губ. находится писанка подъ названіемъ „плащаница“ въ видѣ равносторонняго четырехконечнаго креста съ какими-то четырьмя своеобразными цвѣтными завитушками по угламъ въ пересѣченіи крестовыхъ линій. Въ с. Островерховкѣ, харьковскаго уѣзда, мастерица Головчиха, между прочимъ, расписываетъ одну писанку подъ названіемъ иконостасъ (с. Савинова). Въ Галиціи встрѣчаются писанки „церковка“, „дзвинъ“ и „поповы ризы“. (Tygodn. ill. dla dzieci, 1889, № 15).

Весьма распространены *крестовыя* писанки. Извѣстно, что крестъ задолго до появленія христіанства занималъ видное

мѣсто въ орнаментикѣ и, повидимому, въ символикѣ. На глиняныхъ сосудахъ, найденныхъ на островахъ Эгейскаго моря, относимыхъ археологами къ X в. до Р. Хр., крестъ составляетъ уже обычное орнаментальное украшеніе (*Павлуцкій*, 60). Нѣтъ, однако, никакого основанія писаночные кресты возводить въ дохристіанское время. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ христіанской орнаментикой, вполнѣ доступной для народа по простотѣ рисунка. Формы креста на писанкахъ весьма разнообразны. Чаще всего встрѣчается обыкновенный греческій крестъ четырехконечный и равносторонній, на моравскихъ писанкахъ такой же крестъ съ ручками или утолщеніями въ концахъ въ формѣ, иногда андреевскій крестъ въ видѣ буквы X. Эти формы креста, преимущественно греческій простой и съ ручками встрѣчаются на малорусскихъ и моравскихъ писанкахъ въ связи съ разными элементами геометрическаго стиля (у Ванклевой №№ 11, 12, 20, 23; у Косачевой №№ 14, 20). Всѣ эти формы креста были весьма распространены на византійскомъ Востокѣ. Православныя церкви строились и строятся обыкновенно въ видѣ греческаго креста. Такой крестъ часто рисовали на одѣяніяхъ святыхъ. Греческій крестъ съ ручками вошелъ въ орнаментику константинопольскаго Софійскаго храма. Въ настоящее время сербы католики въ Босніи вырѣзываютъ крестъ съ утолщеніями на концахъ, на рукѣ (*Глик* въ Гласник. зем. Музеа 1889, III, 81). Что касается до латинскаго креста, съ удлиненнымъ нижнимъ концомъ, того креста, въ формѣ котораго на католическомъ Западѣ построено большинство церквей романскаго и готическаго стилей, то такой крестъ мы нашли только въ одной коллекціи писанокъ изъ с. Балаклѣи, зміевскаго у., харьковской губерніи. Присутствіе на малорусскихъ и чехо-моравскихъ писанкахъ андреевскаго и греческаго крестовъ говоритъ въ пользу предположенія о византійскомъ происхожденіи писаночной орнаментики у народовъ славянскихъ.

Своеобразными крестовыми писанками можно признать въ атласѣ Косачевой № 14 (восьмиконечный крестъ), 19 (четырехконечный крестъ изъ цвѣтовъ), 20 (два небольшихъ равносторонніхъ четырехконечныхъ креста, причемъ одинъ встав-

ленъ въ другой). Въ моихъ коллекціяхъ есть нѣсколько грубо исполненныхъ крестовъ изъ цвѣтовъ и одинъ довольно изящный рисунокъ креста, положеннаго на звѣзду. Моравскія крестовыя писанки въ атласѣ Ванклевой подъ № 3 (напоминаетъ малорусскую у Косачевой подъ № 19), подъ № 27 (превосходный рисунокъ четырехконечнаго креста краснаго цвѣта изъ четырехугольниковъ на черномъ фонѣ и подъ № 47 (красный крестъ, состоящій изъ многихъ малыхъ крестовъ, на черномъ фонѣ).

Въ Темрюкѣ кубанской области на писанкахъ геометрическаго или растительнаго стиля непремѣнно ставится одинъ маленькій крестикъ. Такой крестикъ находится на писанкахъ: „сорокъ висимъ клинцивъ“, „безконечникъ“, „повна рожа“ и др.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ харьковской губ. (с. Свѣтъ), въ к.-подольской (с. Руткевича), въ кубанской области (с. Дружинина и Товпекина), встрѣчаются изрѣдка писанки малярской работы съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери, ангеловъ, съ надписями „Христосъ воскресъ“, съ изображеніемъ чаши или сердца, пронзеннаго стрѣлой.

Растительная орнаментика встрѣчается на многихъ писанкахъ; по распространенности и по художественности она не уступаетъ геометрической орнаментикѣ. Рисуютъ или цѣлое растеніе, или, сообразно съ небольшой поверхностью яйца, отдѣльныя части растенія, листья, цвѣты въ одиночку, цвѣты съ ножками и листьями. Растительной орнаментикой опредѣляется часто названіе писанки: рожевка, хрѣновый листъ, сосна и пр. При сложной растительной орнаментикѣ иногда писанки получаютъ сложную описательную терминологію. Самымъ характернымъ примѣромъ могутъ служить писанки изъ лебединскаго у., харьковской г., любезно доставленныя мнѣ свящ. о. Измаиломъ Дмитріевымъ, при хорошо составленной объяснительной запискѣ. Въ этой коллекціи 19 писанокъ разрисованы въ строгой системѣ по тремъ основаніямъ; вишневому листу, дубовому листу и розѣ, причемъ вся разница рисунка опредѣляется тѣмъ, на широкихъ или узкихъ сторонахъ яйца нарисованы листья, велика ли форма листа или не велика и, наконецъ, имѣется ли поперечная линія—поясокъ или нѣтъ такого, каковой орнаментикой опредѣляется и самая терминологія писанокъ, именно:

Вишневый листъ.

1) Вишневый листъ безпоясныця;
2) Вишневый листъ на 8 листьевъ;
3) Вишневый листъ на 4 листа по желтому полю;
4) Вишневый листъ на 4 листа по бѣлому полю.

Дубовый листъ.

1) Дубовый листъ на 8 листьевъ;
2) Дубовый листъ безпоясныця;
3) Дубовый листъ подпоясныця на 4 листа;
4) Дубовый листъ подпоясныця на 4 листа съ желудями;
5) Дубовый листъ на 2 листа;
6) Дубовый листъ, боковая продольная на 2 листа;
7) Дубовый листъ боковая поперечная на 2 листа.

Рожевка.

1) Рожевка на 6 квитокъ;
2) Рожевка на 4 рожи (пивквитки);
3) Рожевка на 2 рожи (пивквитки);
4) Рожевка на 2 рожи шелудывка (не повна квитка);
5) Рожевка сторчевая, повна на 2 рожи;
6) Рожевка сторчевая, на 2 рожи шелудывка;
7) Рожевка боковая, на 2 рожи шелудывка;
8) Рожевка на 4 листа по жовтому полю.

Въ объясненіе этой терминологіи можно добавить, что терминъ „рожевка сторчевая повна на 2 рожи“ означаетъ, что розы нарисованы на верхнемъ и нижнемъ концахъ яйца, спускаются на его середину, на которой нѣтъ пояска, а когда проводится поясокъ, то сторчевыя розы бываютъ меньшаго размѣра, оттого и сама писанка „шелудивка“—неполная, а, когда розы нарисованы на широкихъ сторонахъ писанки, то получается боковая писанка [1]). Писанка „боковая рожа шелудывка“ встрѣчается также въ г. Темрюкѣ, кубанской области, (с. Барановской).

---

[1]) Эта сложная терминологія, отмѣчена только въ слободѣ Анниной лебединскаго уѣзда; въ другихъ мѣстностяхъ названія писанокъ состоятъ обыкновенно изъ одного слова (саквы, сосна, крестата и пр.), изъ двухъ (бараньи роги, курячи лапы), смотря по рисунку.

Вишневый листъ, дубовый листъ и роза (также рожа—malva) встрѣчаются на писанкахъ въ Галиціи, Екатеринославщинѣ, кубанской области и въ другихъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ. Роза встрѣчается чаще другихъ цвѣтовъ. И въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“ отмѣчена „кохвейна (по цвѣту) рожа на усе яице и не упысалася, такъ вже и лысьтячко дрибнесенько вже на самому кинци ледве прытулылы“. Формы листьевъ часто бываютъ настолько неопредѣленнаго характера, что по нимъ трудно опредѣлить природу растенія. Въ моей коллекціи есть писанка „полева рожа“ изъ с. Островерховки харьковскаго уѣзда, которая по рисунку напоминаетъ писанки дубоваго листа изъ лебединскаго уѣзда.

„Рожевкѣ сторчевой на дви рожи шелудывкѣ“ лебединскаго у. соотвѣтствуетъ по рисунку галицко-русская „подлужна рожа“ (Tygod. illustr. dla dzieci 1889, № 15, подъ № 26). Въ к.-подольской губ. извѣстна писанка „ружа съ гребинцями“ (роза на серединѣ яица, а ее накрестъ раздѣляютъ четыре линіи, оканчивающіяся гребешками), въ кубанской области „перевита рожа“ съ цвѣтами на продольныхъ линіяхъ.

Изъ другихъ растеній чаще всего на писанкахъ изображается сосна: этотъ орнаментъ можетъ быть очень древнимъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ соединенъ съ солнечными кружками, что въ совокупности должно было выражать возрождающуюся весной природу. Между писанками сосенками встрѣчаются и очень красивыя, какъ можно видѣть въ моей коллекціи на волынской писанкѣ. Писанки сосны извѣстны въ курской губерніи, на Кубани, въ Галиціи. У галичанъ различаютъ писанки—сосну большую (одна вѣточка вдоль всего яица) и сосну малую (четыре вѣточки накрестъ).

Изъ произведеній украинской флоры на писанкахъ мы далѣе встрѣтили: козодрисъ (польск. kosodrzew, kosówka—pinus mughus), гвоздику, фіалку, виноградъ, сливы (плоды), руту, барвинковый листъ, попову мудь (цвѣточки), орѣховый листъ. Эти растительные орнаменты украшаютъ писанки изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ). Гвоздики встрѣчаются на харьковскихъ и галицко-русскихъ писанкахъ. Въ к.-подоль-

ской губ. рисуютъ еще писанку „полунышница“ (с. Савинова), отъ сл. полуница—клубника. Въ слободѣ Анниной лебединскаго у. знаютъ писанку „хрѣновый листъ“ оригинальнаго рисунка (изъ цвѣтныхъ параллельно расположенныхъ полосъ). Въ Темрюкѣ одна писанка носитъ названіе „огирки“ (огурцы).

На польскихъ писанкахъ встрѣчаются „пальмы“ или вѣтки въ родѣ сосны (*Udziela*, 9). Изъ соединенія звѣздъ и сосенъ образуются разные писаночные рисунки. Далѣе извѣстны писанки „въ метёлки“, „въ мачки“—очень изящная, по синему фону вырѣзаны мелкіе маковые листочки, бѣлые по цвѣту скорлупы (въ Вислѣ, 1890 г. III).

Въ атласѣ моравскихъ писанокъ встрѣчаются очень изящные рисунки листьевъ, цвѣтовъ и растительныхъ колокольчиковъ (№№ 3, 4, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 26, 28, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 47, 48); къ сожалѣнію, въ атласѣ нѣтъ никакихъ указаній на природу или названіе изображаемыхъ на писанкахъ растеній. Въ художественномъ отношеніи наилучшими представляются №№ 39—42 (листы и колокольчики въ спиральной формѣ обходятъ вокругъ всего яица).

На сербскихъ писанкахъ встрѣчаются изображенія гіацинтовъ (сумбулъ), тюльпановъ, яблокъ (Гласник земальског музеја, 1889, III, 60).

Животный орнаментъ на писанкахъ рѣдко встрѣчается. Древность его не поддается точному опредѣленію. Однѣ формы животнаго орнамента могутъ происходить изъ глубокой древности, напримѣръ, изображеніе пѣтуха, другія (ракъ, курячи лапы и пр.) могутъ быть разсматриваемы какъ случайная игра фантазіи, опирающаяся на обстановкѣ современнаго народнаго быта. Если же остановиться на вопросѣ о древности животной орнаментаціи вообще, то, не вдаваясь въ подробности, достаточно будетъ здѣсь замѣтить, что рисунки и рѣзьба фигуръ животныхъ составляли занятіе древнѣйшихъ пещерныхъ обитателей Европы и выполнялись ими уже настолько художественно, что иные изслѣдователи считали эти рисунки на камнѣ, кости и бронзѣ за современную поддѣлку. Искусство раскра-

шиванія возникло также въ глубокой древности. Дикари, разрисовывавшіе себѣ тѣло углемъ, красною глиной, красною и желтою охрою, могли раскрашивать тѣми же красками вырѣзанныя фигуры или яица. Путешественники по Австраліи, заходя въ пещеры, удивляются искусству, съ какимъ сдѣланы на стѣнахъ фрески, изображающія кенгуру, эму и пляску туземцевъ (*Тайлоръ*, Антропологія, 300).

Въ животной орнаментикѣ писанокъ изрѣдка встрѣчается цѣлое животное, большею частью части его (рога, лапы), въ зависимости отъ малаго объема матеріала.

Самымъ распространеннымъ и, повидимому, самымъ древнимъ животнымъ украшеніемъ писанокъ оказывается птичка, имѣющая большею частью видъ пѣтушка. Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Отъ тоби и скарбъ"—„Орышка написала вышневыхъ пташечокъ, шо цилуются, а кругомъ усёго яица та пидписала слова, шо дякъ Симейонъ скомпоновавъ и списавъ на бумазци:

Христосъ воскресе вельце!
Поцилуймося мое серце!

такъ Орышка зъ тіи бумажкы сама спысовала, та тильки, не вміючи пысьма, на лыхо соби почала не зъ тиеи рукы, якъ треба, такъ хто письменный, то ничого и не розбере и не скаже, що воно и е, чи то слова, чи такъ що надряпано". Подобное обыкновеніе бытуетъ и нынѣ въ харьковской губ. Въ купянскомъ у. маляры и живописцы рисуютъ на писанкахъ цѣлующихся голубей (с. Пелихова). Но эта форма животнаго орнамента не имѣетъ характера древности; вмѣсто свойственной древности серьезности замысла здѣсь выступаетъ эротическое сентиментальное начало.

Гораздо болѣе древними представляются намъ пѣтушки на великорусской писанкѣ въ моихъ коллекціяхъ и на трехъ моравскихъ писанкахъ въ атласѣ Ванклевой (№№ 29, 30 и 48). Здѣсь пѣтушки окружены деревьями и цвѣтами, а въ № 48 добавлены еще солнечные символическіе знаки въ видѣ звѣздочекъ.

Пѣтухи и голуби встрѣчаются на сербскихъ писанкахъ (*Гласник* зем. музеја, 1889, III, 62). Изъ Болгаріи доставленъ мнѣ снимокъ съ одной писанки, на одной сторонѣ которой

изображена большая птица въ стоящемъ положеніи, на другой—на-лету. Породу птицы трудно опредѣлить.

Писаночный пѣтухъ представляетъ зооморфическій образъ солнца, что подтверждается несомнѣнно солярнымъ значеніемъ пѣтуха во многихъ повѣрьяхъ, поговоркахъ, сказкахъ и обрядахъ. Какъ провозвѣстникъ дневнаго разсвѣта, пѣтухъ издревле получилъ значеніе солнечнаго символа. Въ загадкѣ „сидыть пивень на верби, спустивъ косы до земли“ выступаетъ солнце и его лучи. Во всѣхъ странахъ Европы голосу пѣтуха приписывается могучая сила демоны, мертвецы, упыри исчезаютъ при первомъ крикѣ пѣтуха. Деревянное изображеніе пѣтушка на крышѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и Россіи служитъ охранительнымъ талисманомъ (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр., I, 518).

Въ моей коллекціи писанокъ изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ) находится писанка подъ названіемъ пчела. Догадаться по рисунку трудно: туловище дѣйствительно пчелиное, длинное, съ желтыми поперечными полосками; головка въ видѣ перекладины такого же рисунка; но на мѣстѣ крыльевъ и впереди головки большіе треугольники краснаго цвѣта. Свящ. Родкевичъ высказываетъ при этомъ предположеніе, не указываетъ ли писанка пчела на 17 марта, день св. Алексѣя человѣка Божія, который, по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ, покровительствуетъ пчеловодству.

Въ той же коллекціи находится другая рѣдкая писанка—ракъ. Здѣсь уже никоимъ образомъ нельзя догадаться по рисунку, что мы имѣемъ передъ собою рака. Рисунокъ представляетъ сходство съ безконечникомъ: спиральная линія обходитъ всю широкую половину яица, обращенную къ зрителю, а среди этой линіи находится маленькая крестообразная фигурка.

Въ той же коллекціи находится писанка „пауки“, которую, не зная названія, можно признать писанкой растительнаго орнамента. Никакого подобія пауковъ: поясокъ раздѣляетъ писанку на 2 продольныхъ части; каждую половину писанки крестовый цвѣтокъ раздѣляетъ на 4 части, въ которыя вставлены по 3 загнутыхъ въ кружокъ линіи, сидящихъ на одной ножкѣ.

Въ той же к.-подольской коллекціи находится писанка „шарпаньская муха", нѣсколько напоминающая большую муху: брюшко съ длинной головкой, 2 крылышка около брюшка и 2 длинныхъ крылышка по бокамъ; мастерица сфальшила, изобразивъ рядомъ съ головкой и такой же величины 2 крыла, такъ что муха выходитъ трехъ-головая.

На галицко-русскихъ писанкахъ встрѣчаются иногда изображенія улитокъ, и сами писанки съ такимъ рисункомъ называются слимаки (*Ziel*, въ Tygodn. illust. dla dzieci, 1889, №15).

Въ той же галицко-русской мѣстности (Покутье) встрѣчается писанка съ извивающейся линіей по яицу, и называется такая писанка ужемъ (ib.).

Въ коллекціи писанокъ, принадлежавшей бывшему юго-западному отдѣлу Географическаго общества, была, какъ мы слышали, писанка съ изображеніемъ рыбы; нельзя сдѣлать изъ этого единственнаго экземпляра писанки-рыбы какое-либо заключеніе о символическомъ значеніи этой писанки (въ катакомбахъ рыба—символъ Христа); проще предположить о случайномъ появленіи этого рисунка.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Галиціи и въ Польшѣ встрѣчаются писанки „бараньи роги", „курячьи лапы", „качачьи лапы", „гусячьи лапы", „утиныя шейки", „заячьи ушки", съ соотвѣтствующими рисунками, напр., четырьмя накрестъ положенными линіями съ загнутыми концами (рога), съ 3 или 4 линіями расходящимися изъ одной точки (лапки).

Въ печати были высказаны мнѣнія о вліяніи на писаночный орнаментъ рисунковъ ковровъ, ситца, разныхъ узорочій (Глинскій, Довгирдъ); но по извѣстнымъ намъ коллекціямъ и рисункамъ мы не можемъ указать на это вліяніе. Мы считаемъ писаночную орнаментику оригинальной, о многихъ случаяхъ традиціонной, во многихъ—случайной, какъ проявленіе свободнаго эстетическаго творчества, причемъ матеріалъ даетъ мѣстная флора и разные предметы домашняго хозяйства.

Многіе писаночные рисунки имѣютъ *бытовое* содержаніе. Таковы писанки „гребень", „грабли", „сокира", „свитая лента", „зонтикъ" (въ Галиціи), „люлька" (трубка, въ к.-подольской губ.)

„вовчи зубы“ (принадлежности ткацкаго станка, тамъ же), „човныки“, „саквы“ (мѣшки), „чоботы“, „крутые рукава“, „баклажокъ“, „скрыпка“, „боченочекъ“, „мотовыльце“ (въ Темрюкѣ [1]).

Изъ предметныхъ орнаментовъ отмѣтимъ слѣдующіе: Въ к.-подольской губерніи встрѣчается писанка „бесаги“, на которой красной краской по темному фону изображены молдавскіе двойные мѣшки бесаги, которые перевѣшиваютъ черезъ плечо на грудь и спину (с. Родкевича). Подобнаго рисунка писанка встрѣчается въ Барсуковской ст. кубанской области (с. Донцова).

Писанки въ формѣ лѣстницы рисуютъ въ Тенгинской ст. кубан. обл. (с. Росавскаго), въ курской губ. (великорусская писанка въ моей коллекціи); у поляковъ драбинки имѣютъ 9 или 10 ступенекъ (Udziela, 9).

Писанки „калыткы“ (кошельки) встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи въ К.-подольской г. Свящ. Родкевичъ высказываетъ оригинальное предположеніе относительно происхожденія и значенія этого орнамента въ писанкахъ каменецъ-подольской губерніи. Въ числѣ орудій, изображаемыхъ на иконахъ Страстей Христовыхъ, находится также Іудинъ кошелекъ или касса, и возникаетъ вопросъ не означаютъ ли писанки „калытки“ Іудина торга при продажѣ Спасителя. Писанка „калыточка“ встрѣчается также въ купянскомъ у. харьковской г.(с.Свѣтъ).

Обычай приготовленія писанокъ къ Пасхѣ идетъ къ исчезновенію; мѣстами онъ уже прекратился; мѣстами сильно ослабѣлъ. На мою просьбу о присылкѣ писанокъ и свѣдѣній о нихъ извѣстный этнографъ И. И. Манжура отвѣтилъ мнѣ: „На послѣднихъ дняхъ Страстной, какъ я не искалъ писанокъ на двухъ екатеринославскихъ базарахъ, тамъ ихъ и слѣда не оказалось. Не оказалось ихъ также въ ближайшихъ окрестностяхъ города, хотя тамъ еще ихъ помнятъ; но производство уже умерло“. Другой почтенный изслѣдователь народной жизни П. В. Ивановъ пишетъ мнѣ: „Въ г. Купянскѣ въ послѣдніе годы писанокъ уже не пишутъ, какъ это бывало прежде, не про-

[1]) Съ черноморской писанкой „мотовыльце“ вполнѣ сходна одна болгарская писанка изъ Добруджи.

дают; лавочная сахарная и фарфоровая писанка вытѣснила изъ употребленія домашнюю, хотя еще живы женщины, писавшія съ своими матерями и распродававшія въ прежніе годы въ теченіе поста сотни писанокъ. Нѣтъ выгоды, не стоитъ писать—вотъ ихъ отвѣтъ на вопросъ, почему онѣ не приготовляютъ теперь писанокъ". Въ Харьковѣ лѣтъ двадцать на окраинахъ еще писали писанки, а теперь здѣсь исчезъ этотъ обычай; ограничиваются простыми крашанками или лавочными сахарными и стеклянными писанками; на базарѣ я нашелъ въ прошломъ году на Страстной недѣлѣ 4 писанки изъ с. Коротича, отстоящаго отъ города верстъ на 15.

Въ другихъ мѣстностяхъ хранителемъ обычая является какая-нибудь одна старуха, со смертью которой умретъ и послѣдній слѣдъ обычая. Такъ, въ слоб. Аннинои лебед. у. рисуютъ писанки маляръ и одна старуха, въ слоб. Боромлѣ ахтырскаго у. одинъ старикъ и одна старуха, въ с. Островерховкѣ харьк. у. старуха Арина Головчыха, а въ Темрюкѣ старуха Акулина Фаленко.

Упадокъ обычая рѣзко обнаруживается въ слабости и порчѣ рисунка: линіи неправильны, неровны, орнаментація сдѣлана небрежно, грубо. Единственное орудіе—кисточка—заброшено, и капаютъ на яицо прямо съ горящей восковой свѣчи. Оттого и писанки Харьковщины, Екатеринославщины, Полтавщины значительно грубѣе и однообразнѣе волынскихъ и подольскихъ писанокъ, слабѣе польскихъ и чешскихъ. Недостатки писанокъ лѣвобережной Украины не слѣдуетъ, мы думаемъ, объяснять сравнительно восточнымъ ея положеніемъ, удаленностью отъ западнаго славянства, отъ богатыхъ въ художественномъ отношеніи источниковъ европейской культуры. Дѣло въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи и среди великорусскаго населенія курской губ. попадаются писанки, весьма изящныя по рисунку и яркія по окраскѣ; но встрѣчаются онѣ рѣдко, въ немногихъ мѣстностяхъ, повидимому, какъ обломокъ лучшаго въ прошломъ состоянія писаночнаго дѣла. Этетическое чувство и любовь къ изящному малорусскому народу свойственны не менѣе, чѣмъ народамъ западно-славянскимъ. Матеріалъ, собранный мною, настолько малъ въ коли-

чественнамъ отношеніи, что нѣтъ возможности намѣтить въ писаночномъ дѣлѣ историческія градаціи или мѣстныя вліянія. Легко выдѣляются только малярскія писанки, по замысловатости рисунка (напр. „прободенное сердце"), по присутствію позолоты и па надписямъ. Коллекціи крестьянскихъ писанокъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ экземпляровъ, встрѣчающихся повсемѣстно (напр., безконечники), оказываются весьма разнообразными по силѣ и яркости окраски, по преобладанію того или другаго цвѣта, по выбору растительныхъ орнаментовъ.

Въ заключеніе статьи не могу не высказать двухъ пожеланій: первое, чтобы наше образованное общество и люди науки обратили серьезное вниманіе на угасающій обычай приготовленія писанокъ, собрали, что еще можно собрать, и продолжили мой настоящій трудъ на основаніи новаго матеріала. Второе пожеланіе состоитъ въ томъ, чтобы нашъ народъ путемъ просвѣщенія развилъ тѣ богатыя художественныя дарованія, которыя онъ выразилъ въ писанкахъ, въ изяществѣ рисунка, въ умѣломъ подборѣ красокъ, въ чистотѣ и благородствѣ всей писаночной орнаментики.

Дополненія.

Во время печатанія статьи мы собрали еще слѣдующіе новые матеріалы, восполняющіе свѣдѣнія о писанкахъ:

1) Сообщеніе учителя г. Иваника изъ Кабардинской станицы, майкопскаго отдѣла, кубанской области: писанокъ не приготовляютъ, однѣ крашанки; сказаній, поговорокъ и проч. т. п. не имѣютъ; приготовляютъ крашанки на Страстной къ Пасхѣ и потомъ къ радоницѣ, скорлупы не сохраняютъ; красятъ красной, желтой, голубой и черной красками, которыя берутъ въ мѣстной лавочкѣ.

2) При любезномъ посредствѣ Б. Г. Филонова, я получилъ изъ с. Балаклѣи, зміевскаго у. 20 крестьянскихъ писанокъ. Писанки трехцвѣтныя, по красному фону бѣлые и желтые рисунки, блѣдныя, грубой работы, геометрическаго и растительнаго стилей; нѣсколько крестовыхъ съ 4-конечнымъ латинскимъ

крестомъ; одинъ безконечникъ (14 бѣлыхъ параллельныхъ линій по красному фону).

Въ смоленской губ. существуетъ обычай носить во время Пасхи церковныя иконы. Ношеніемъ этимъ занимаются особыя лица, называемыя „богоносцами“, изъ бойкихъ крестьянъ. Богоносецъ за Святую недѣлю собираетъ иногда до 200 яицъ. Онъ большой охотникъ „биться на битки“, и нерѣдко случается, что однимъ яйцомъ выбиваетъ цѣлый десятокъ яицъ. Часто можно встрѣтить у него яйцо цесарки, которое считается всеразрушающимъ биткомъ. Въ битьѣ яицъ иногда принимаютъ участіе батюшка, дьячекъ, пономарь; игра эта и теперь довольно популярна среди крестьянской молодежи. Строго преслѣдуется каменное яйцо и, по обычному праву, такое яйцо нерѣдко запускается въ голову его владѣльца. („Смол. Вѣстн.“, переп. въ „Днѣ“ 1891 № 1032).

Въ I кн. „Вислы“ за 1891 г., с. 166 г. Глогеръ указываетъ на *древнѣйшее свидѣтельство* о писанкахъ XIII вѣка въ хроникѣ Кадлубка.

Въ той же книгѣ „Вислы“ приведена выдержка изъ соч. Миличевича „Живот срба селяка“ о приготовленіи писанокъ въ Сербіи, сходномъ съ приготовленіемъ ихъ въ Малороссіи.

Названіе писанки „бесачи“ по изображенію двойныхъ переметныхъ сумъ румынское, а у румынъ бесачи сохраняются съ древнихъ временъ: у римлянъ bisaccium встрѣчается у Петронія († 67 г. по Р. Х.).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Поправка. На стр. 3, 4 строка снизу должно читать: „правобережной“ вмѣсто „лѣвобережной“.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 19-го іюня 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.